

Ю.С.Гришин

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ
НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА
ПРИБАЙКАЛЬЯ И ЗАБАЙКАЛЬЯ**

Москва, 2000

Книга напечатана при содействии АНЭО «ЭКОТОК»

Рецензент д.и.н. М.Ф. Косарев

ГРИШИН Ю.С.

Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и
Забайкалья. / - М., Старый сад, 2000. – 128 с.

Критический анализ существующих систем периодизации
памятников неолита и энеолита различных районов Прибайкалья и
Забайкалья.

ISBN 5 – 89930 – 046 – 9

ООО Старый сад

ЛР № 065741 от 13.03.1998 г.

© Институт археологии РАН, 2000 г.

© Гришин Ю.С., 2000 г.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших проблем в изучении археологических памятников является вопрос о периодизации, об их археологических датах. От правильного решения их во многом зависит и достоверное решение многих других вопросов истории древних обществ.

Между тем, решение поставленной проблемы является в целом ряде случаев одной из наиболее сложных задач, стоящих перед исследователем. При этом основываться только на чисто археологических данных вряд ли достаточно надежно, прежде всего из-за их во многих случаях ограниченных возможностей. Поэтому решение ее для рассматриваемых прибайкальских и забайкальских неолитических и энеолитических памятников, особенно в последнее время, все более начинает опираться также на данные и других наук — геологии, палинологии и радиоуглеродные исследования.

Для Прибайкалья и Забайкалья как в целом для каждой из этих территорий, так и для отдельных их более ограниченных районов, уже создано и существует несколько систем периодизации, в той или иной мере опирающихся либо, в основном, на только археологические, либо также и на другие вышеотмеченные данные. Однако нередко между ними существуют либо основательные хронологические расхождения для одних и тех же выделенных типов памятников, либо расхождения в области корреляции с близкими памятниками соседних или ближайших территорий. При этом, к сожалению, даже случается, что исследователи в подтверждение своих взглядов предпочитают опираться

Глава I ПРИБАЙКАЛЬЕ

Рассматривая памятники неолита и энеолита Прибайкалья (или неолита и раннего бронзового века), мы имеем в виду территорию, определенную А.П.Окладниковым и некоторыми другими исследователями, занимающую большую часть Иркутской области и отчасти Бурятии — вернее и среднее течение реки Ангараы от Байкала до района Братска, верховья реки Лены и побережье озера Байкал, в том числе и непосредственно прилегающие к нему с востока районы — такие, как низовья реки Селенги, расположенные уже на территории Забайкалья.

Хотя за все время изучения неолитических и энеолитических памятников Прибайкалья, начиная со времен Г.Ф.Миллера, И.Г.Гмелина и А.Н.Радищева, был собран по ним некоторый археологический материал, все же наибольшее значение для их выделения имели труды Н.И.Витковского, исследовавшего в 1880-1881 году известный Кийский могильник и М.П.Овчинникова, выделившего при исследовании известного Глазковского могильника энеолитические погребения с ранними формами металлического инвентаря. Фиксация медно-бронзовых вещей в отдельных погребениях, которые на уровне имевшихся тогда знаний вполне могли быть отнесены к каменному веку, позволили ему выделить в начале XX столетия особую «иркутскую» культуру начала бронзового или, как он писал «медного века», отличную от китойской культуры (китойские погребения, исследованные Н.И.Витковским), в памятниках кото-

только на те данные, которые их устраивают, при этом игнорируя важные другие, противоречащие им. Все это требует строгого критического анализа существующих систем периодизации, на основании которого с использованием всех имеющихся в настоящее время как археологических данных, так и данных естественных наук, можно попытаться определить как явно устаревшие, ошибочные среди них, так и наиболее приемлемые, в том числе и существенно уточненные.

и об отнесении их к неолиту, счел возможным объяснить появление медных изделий в глазковских могилах следующим образом: «Можно представить существование в одно и то же время двух народов, имеющих различную степень культурного развития: медные вещи попадают от культурных к менее культурным во время сношения их между собой». Таким образом, В.И.Подгорбунский не смог признать вслед за М.П.Овчинниковым местного производства глазковских металлических изделий и к тому же полагал, что «появление медных орудий должно рассматриваться как случайность»⁵. Здесь, по сути дела, закладываются основы последующих воззрений на бронзовый век Прибайкалья, высказанные позднее Б.Э.Петри.

Важным же результатом исследований Б.Э.Петри явились раскопочные работы на многослойной стоянке Улан-Хада на Байкале, сыгравшей и в последующее время важную роль в периодизации неолита и бронзового века Прибайкалья. В результате этих работ были фактически выявлены слои, относящиеся к изучаемому времени, в верхних из которых были обнаружены, в частности, и металлические изделия. Правда, сам Б.Э.Петри основывался на своем мнении об исключительно неолитическом характере этого памятника, поскольку, как он считал, в тайге бронзолитейное производство не получило самостоятельного развития, а находясь там бронзовые изделия были связаны со степями, и сама культура бронзы связывалась со скотоводством. Вообще он считал, что в Прибайкалье неолит носил затяжной характер и непосредственно затем перешел в железный век, причем наступление последнего связано с вторжением каких-то племен с юга⁶.

Поскольку материал, имеющийся на Улан-Хаде, по мнению Б.Э.Петри, имел полное право стать эталонным для периодизации прибайкальского неолита, так как анализ каменной индустрии и керамики указывал на присутствие

рых не было следов металла, т.е. еще неолитической¹. Крупнейшим же археологом В.А.Городцовым, согласившимся вскоре с данным подразделением М.П.Овчинникова, но изменившим название иркутской культуры на глазковскую (по наименованию могильника, где М.П.Овчинниковым были обнаружены данные погребения), была определена и обоснована абсолютная датировка последней. Он отнес ее ко второй половине II тыс. до н.э. на основании синхронизации с сейминской культурой Средней России (по находкам типологически близких друг другу нефритовых колец) и андроновской культурой на Енисее². Что же касается китайской культуры, то В.А.Городцов отнес ее сначала к одному времени с ямной, а позднее с катакомбной и афанасьевской культурой на юге Европейской России и Сибири. Эти две последние культуры он поместил в среднюю пору полеометаллической эпохи по его классификации и датировал их так же, как и китайскую культуру, II тыс. до н.э.³

Однако следует заметить, что не все исследователи признали данное хронологическое подразделение ангарских погребений М.П.Овчинниковым. А.А.Спицин и Н.Бортвин считали, что большинство из них, в том числе и китайские, можно отнести также к бронзовому веку, при этом Н.Бортвин ссылаясь, в основном, на обряд погребения Китайской могильника с окрашиванием костяков, характерный для старшего медного века Европейской России и на близкие к китайским отдельные прибайкальские погребения с медными изделиями. На основании этого он сделал заключение, что если признать находки М.П.Овчинникова древнейшим периодом медного века, то очень близкие находки Китайского могильника нужно отнести к тому же времени⁴.

Даже В.И.Подгорбунский, высказавшийся против взглядов Н.Бортвина и согласившийся с мнением М.П.Овчинникова об отделении китайских погребений от глазковских

было найдено никакого палеонтологического материала, а чистота и обособленность выделенных ее I-I-ти слоев возбуждают сомнения. Кроме того, он, ссылаясь на слова Г.П.Сосновского об обнаружении на Улан-Хаде бронзовых изделий, прямо заключает, что «приводимая в статье о Песчаной бухте синхронистическая таблица сибирского неолита с западноевропейской (а именно с ее рамками сопоставлялась данная классификация — прим. мое — Ю.И.ришин), не может быть принята»⁸. К стати, нужно сказать, что М.П.Овчинников также решительно возражал против попытки такой датировки в соответствии с хронологическими делениями западноевропейской схемы, видя своеобразные черты местных памятников и не находя в них оснований для крайнего универсализма⁹. Имели место подобные возражения и со стороны Г.П.Сосновского, В.И.Громова и Н.К.Ауэрбаха, указывающих на необходимость самостоятельного изучения древнейших сибирских памятников и сравнения их с памятниками соседних областей Евразии¹⁰. Решительно высказался против стадильно-эволюционной схемы развития культуры каменного века Прибайкалья и Г.Мерхарт, ознакомившийся с материалами Улан-Хады, он оспаривал также выводы об автохтонном происхождении ее. Им отмечена спорность многих положений периодизации неолита, порожденная отсутствием полной послылой публикации материалов Улан-Хады. При этом им подчеркнут самостоятельный характер XI слоя Улан-Хады и его несходство с мезолитом Европы. Эволюционистский же характер предложенной хронологической схемы неолита никак не укладывается, по его мнению, в те эпохи, которые наметил Б.Э.Петри. Керамика в слоях X-I удивительно разнообразна, а каменный инвентарь не дает оснований для выделения типов. Настораживает Г.Мерхарта и отсутствие абсолютных дат, о которых Б.Э.Петри не упоминает ни в одной из своих работ. Отрицает он и возможность решать

почти всех известных на других местонахождениях Прибайкалья групп инвентаря и типологически близких форм керамики, следует кратко остановиться на предлагаемой им схеме⁷.

Ранняя стадия неолита — XI слой Улан-Хады (доке-рамическая) являлась, по сути дела, мостиком между палеолитом и неолитом указывала на конкретный генезис неолитической культуры на основе местной автохтонной.

Три же эпохи развитого неолита — ранняя, средняя и поздняя — устанавливали «порядок великих открытий» местного населения на пути прогресса. В раннюю эпоху (X слой Улан-Хады) появляется керамика со следами плетеной основы, каменная индустрия не отличается от мезолитической. В среднюю (III-IX слои Улан-Хады) появляются лук и стрелы и шлифованные орудия, совершенствуется керамика — она становится тонкой, изящной, размеры сосудов увеличиваются, внешние стенки гладкие, венчик намечается особо, на нем для подвешивания протыкаются отверстия. Орнамент по тулову — зональный и сплошной, техника нанесения прерывистая и отступающе-накопчатая, ин-струменты — гладкий и зубчатый штам, стек. В позднем неолите появляются орудия из меди, обилие орудий из нефрита, микропластичность и совершенство каменной индустрии. Керамика штриховая, с отпечатками тканей, вторично появляется сетка-плетенка. Орнамент по верхней части сосудов — штампы, выпуклые жемчужины, решетчатый.

Намеченная Б.Э.Петри периодизация неолита Прибайкалья, основанная на результатах исследования стоянки Улан-Хада, имеющая характер эволюционистского построения, была совершенно закономерно подвергнута критике в работах Г.Ф.Дебеца и А.В.Попова. При этом А.В.Попов прямо указывает, что местонахождение этой стоянки не было подвергнуто геологическому исследованию, не было изучено в связи с «историей и жизнью Байкала», здесь не

ление только медных изделий и 2) поздний этап — распространение бронзовых изделий¹³.

Абсолютные же даты неолитических и энеолитического периодов определены им следующим образом¹⁴:

Хиньский этап — V тыс. до н.э.

Исаковский этап — IV тыс. до н.э.

Серовский этап — III тыс. до н.э.

Китойский этап — вторая половина III и начало II тыс. до н.э.

Глазковский этап — около 1700-1300 гг. до н.э.

При этом даты последних двух этапов были определены им на основании близких аналогий в инвентаре с материалами как соседних областей Южной Сибири и Китая, так и более отдаленной, преимущественно европейской части России (китойский этап — прежде всего мраморные кольца и остря, напоминающие молоточковидные булавы; глазковский этап — прежде всего простейшие формы металллических ножей типа ранних афанасьевских минусинских). Что же касается более ранних этапов, то их последовательность и датировка в значительной мере определялась по степени близости с позднелитическими и мезолитическими памятниками. Поэтому предложенные даты хиньского этапа V тыс. до н.э., исаковского IV тыс. до н.э. и серовского III тыс. до н.э. представлены в значительной мере условно, вслед за позднелитическими памятниками, отнесенными А.П.Окладниковым к VIII-VI тыс. до н.э.¹⁵

Следует кратко охарактеризовать представленные А.П.Окладниковым этапы:

Хиньский этап характеризуется отсутствием керамики и иногда в последующем относится А.П.Окладниковым и другими исследователями к позднему или финальному мезолиту¹⁶. Встречены лишь единичные захоронения покойников под каменными кладками, сопровождавшиеся небольшим количеством погребального инвентаря. Последний

культурно-исторические проблемы сибирского неолита на основании изучения только одного пункта и тем более распространения его периодизации на всю Сибирь. Вслед за М.П.Овчинниковым Г.Мерхарт высказался за наличие в таежных районах Южной Сибири самостоятельной бронзовой культуры, переходной между неолитом и железным веком. «Северную», по его выражению, бронзу он синхронизирует по времени с южной — минусинской, относя, таким образом, поздний неолит к бронзе. Некоторые исследователи назвали его несколько иначе энеолитом (Г.П.Сосновский, В.И.Подгорбунский, Г.Ф.Дебец)¹¹.

И все же, таким образом, благодаря исследованиям Б.Э.Петри, была предпринята первая правомерная попытка (несмотря на существенные ее недостатки) хронологического подразделения неолитических и энеолитических памятников Прибайкалья по материалам одного многослойного поселения Улан-Хада.

Новая основательная попытка хронологической классификации неолитических и палеометаллических памятников Прибайкалья, опирающаяся, в основном, на данные материалов погребений, была предпринята уже только в конце тридцатых годов, причем уже более обстоятельно обоснована она в начале пятидесятих годов в двух крупных монографиях А.П.Окладникова¹². Этим исследованием были выделены четыре неолитических периода (хиньский, исаковский, серовский и китойский) и три последующих палеометаллических (глазковский, шиверский и бронзовый век — синхронный скифо-тагарскому времени) и заключительный ранний железный век, охватывающий последние века до нашей эры и первые века нашей эры. Кроме того, наиболее ранний глазковский период, отнесенный целиком ко времени начального использования металла, был подразделен, опираясь на данные химического анализа металллических изделий на два этапа: 1) ранний этап халколита — употреб-

сглаживаться. От рельефной сетки остаются только ямки, соответствующие ее узелкам. Старые формы тесел и топов, треугольных в поперечнике, сменяются новыми, прямоугольными по очертаниям и такими же в поперечнике. Наряду с серым кремнистым сланцем все более широко применяется для изготовления орудий труда зеленый саянский нефрит. Среди вещей из погребений обычными становятся скульптурные изображения рыб из камня и кости, так называемые приманки. Появляются луки усиленного типа с костяными обкладками. Появляются также костяные гарпуны с плечиками-выступами в основании и мелкие бусы из раковин.

Следующий, поздний, этап неолита — китойский. В отличие от предыдущих этапов, он отмечен распространением погребений без каменных кладок и обильным заспанием покойников охрой. Наиболее характерной типологической формой для находок в этих захоронениях являются стерженьки для рыболовных крючков с полукруглыми выступами на обоих концах. В погребальном инвентаре также часто встречаются линзовидные в сечении тесла и треугольные ножи-острия из нефрита, плоские ножи из плиток аргиллита, поверхность которых уплощена широкими фронтальными фасетками отжимной ретуши, песчаниковые «выпрямители» древков стрел — ложила, каменные круглые плитки — пакетки. Также были зарегистрированы костяные гарпуны с полукруглым выступом в основании, часто с отверстием в нем, костяные кинжалы и шилья-острия с двусторонними выступами на рукояточной части, костяные вкладышевые ножи или кинжалы, заступы из лопаток лося, кремневые наконечники стрел с овальной базой и базой в виде одностороннего острия-хвостика. Среди украшений и предметов искусства иногда отмечаются орнаментированные насечками кольца, изготовленные из белого мрамора, а также из мрамора изображение головы мужчины

включал каменные наконечники стрел и острия, изготовленные архаической техникой из ножевидных пластин, лишь слегка подправленных ретушью по краю, в том числе с боковой выемкой в основании, шиферные и костяные острия, но также и наконечники стрел более развитой иволистной формы со слегка суженным небольшим основанием, сплошь обработанные ретушью.

В последующее исаковское время складывается более зрелый культурный комплекс прибайкальского неолита. Появляются шифованные тесла, подтреугольные и трапециевидные в поперечнике. Охотники пользуются, в частности, двустороннеретушированными наконечниками стрел с асимметричными жальцами и основанием в виде хвостасточки. Такие элементы этого культурного комплекса, как крупные полукруглые скребла, большие вкладышевые наконечники и ножи, а также явная любовь к костям мамонта как материалу для изготовления охотничьего вооружения, свидетельствуют о сильных палеолитических традициях. Впервые в погребениях фиксируется и керамика — параболоидные в вертикальном сечении сосуды, покрытые снаружи отпечатками сетки-плетенки.

Дальнейшее развитие неолита — серовский этап. Формы сосудов становятся более расчлененными (сосуды митровидной формы с перехватом шейки), обогащаются орнаментом. Вместо простого горизонтального орнаментального пояса из ямок, характерного для исаковской керамики, размещавшегося под венчиком, сосуды украшаются поясами из параллельных линий, выполненных гребенчатопунктирным штампом или зигзагообразными поясами. Отмечен и узор в виде ритмически расположенных ямок — круглых и серповидных. Формируется также орнаментальная композиция из горизонтальных полос и идущих от них вниз коротких вертикальных линий. Поверхность сосудов, покрытая отгисками сетки-плетенки намеренно начинает

напоминающий еще неолитические серовские. Сосуды изготовлялись выбиванием с помощью колотушки либо гладкой, либо оставившей на их поверхности рубчики, отгиски шнура или вафли, причем в значительной мере отличались и тонкостенностью (иногда даже до 1 мм). Орнаментированы они преимущественно в верхней привенечной части сосуда. Мотивы орнаментации различны, но, как правило, горизонтальные, либо вертикальные ряды различных штампов и насечек, образующих разнообразные узоры. Имеется и орнамент в виде жемчужин, видимо, начинающий распространяться в конце периода.

Естественно, А.П.Окладников должен был коснуться в своих исследованиях и периодизации неолита Прибайкалья, ранее предложенной Б.Э.Петри по материалам многослойной стоянки Улан-Хада. Он специально остановился на проблемах синхронизации выделенных им разнотипных погребальных материалов с материалами исследованных прибайкальских неолитических стоянок, прежде всего, Улан-Хады, и пришел к значительно отличному от этого исследователя выводу¹⁷.

Не выходя в изделиях XI, самого нижнего слоя Улан-Хады каких-либо явно выраженных ранних форм каменных изделий, могущих относиться к докерамическому неолиту, он объединяет его с материалами X и IX слоев в один культурный горизонт, относя их в целом к позднесеровскому времени. Подтверждение этому он видит в появлении «ближайших прототипов» уже китойских рыболовных крючков (однако лишь по отдельным деталям сходным с ними — прим. мое) и распространении керамики, близкой к известной в серовских погребениях (в том числе единственного фрагмента, найденного в XI слое Улан-Хады).

Второй же, уже более поздний культурный горизонт. Он объединяет с VIII по III слои, которые при малом отлечии каменного инвентаря от отмеченного предшествующего

и изображения рыб из кости. Керамика в китойских погребениях встречается как исключение, лишь в двух захоронениях были обнаружены сосуды с отгисками сетки-плетенки на их поверхности.

Энеолитический же глазковский этап характеризуется следующим. Прежде всего, следует отметить, что в отличие от китойских, захоронения покойников, как правило, производились в могилах, находящихся под каменными выкладками. Появляются первые металлические медно-бронзовые изделия: листовидные ножи, небольшие пластинчатые ножички, рыболовные крючки, шилья, иглы, кольца, трубочки, встречены и фрагменты медных кованых котлов. Наряду с отдельными металлическими, широко продолжают бытовать каменные (в том числе и из нефрита) и костяные изделия: ножи, кинжаловидные орудия, наконечники стрел, в том числе треугольные с прямой базой, гарпуны, уже, в основном, с выступами-плечиками в основании, рыболовные крючки, в особенности появляющиеся с боченковидным стерженьком, топоры и тесла, среди которых особенно выделяются нефритовые с суженным обухом и несколько расширенным лезвием, симметрично линзовидные в поперечном сечении долота, отжимники для изготовления каменных орудий, скребки, игольники, шилья и иглы. Представлены в погребальном инвентаре и такие украшения, как перламутровые, а также пиррофиллитовые и агальмаголитовые бусы в виде кружочков и цилиндриков, нефритовые кружки с отверстием, нефритовые кольца. Наконец, нужно отметить и находки антропоморфных изображений из рога и мамонтовой кости. Что же касается керамики, то она представлена сосудами яйцевидной и шаровидной формы, круглодонными, иногда с приостренным дном, а отчасти и плоскодонными, нередко с профилированной верхней частью, выделенной шейкой и изредка утолщенным венчиком. Однажды был найден и дымокурный горшок, очень

ставляли хотя и важную, но лишь часть источниковой базы и использовали наряду с другими, прежде всего, этнографическими материалами. Его стратегия исследования неолитического периода Прибайкалья была основана на комплексном методе, определявшем задачи социологического анализа археологического материала и предусматривавшем реконструкцию хозяйства, уровня развития техники, общественного строя и духовной жизни древнего населения. Возможности же социально-экономических реконструкций были напрямую связаны с определением хронологических границ неолита, для чего использовался широкий временной диапазон — от неолита до эпохи бронзы. Это позволило, по мнению А.П.Окладникова, выявить закономерность наступления неолитической эпохи в Прибайкалье, определить ее рамки и место в пределах первобытно-общинной формации. Он, как и его предшественники, был сторонником автохтонной концепции развития неолита, но суть перехода видел в раннем появлении высоко развитого охотничьего хозяйства, что свидетельствовало о переходе на более высокую ступень общественного развития. Появление лука, стрел и шлифованных орудий являлось показателем новых качественных сдвигов в обществе и способствовало своеобразному «диалектическому скачку» на новую ступень развития — неолит.

Следующий же за переходным хиньским периодом развитой неолит представлен, как уже говорилось, тремя стадиями, каждой из которых соответствовала определенная группа погребений, явившаяся ступенькой в периодизации неолитической культуры, и характеризовала основные моменты ее внутреннего развития через ряд стадийальных трансформаций. Детерминантом этого развития является усложнение хозяйственной деятельности древнего человека (Исаково — охота, Серово-охота и рыболовство, Кито — рыболовство и охота), фиксируемое по появлению новых

горизонта, характеризуются появлением, наряду с прежней, керамики с украшениями, выполненными штампом-лопаткой, в значительной мере вытесняющей прежнюю «гребенчатую», и вообще с усложнением орнамента (отражение в ней сложной символики в виде изображения креста, змей). Он склонен относить этот горизонт к раннекитойскому времени в небольшой степени на основании зарегистрированного развития в китойское время сложной орнаментики на кос-тяных изделиях, имеющей некоторые аналогии на глиняных сосудах.

Находки же из самых верхних I и II слоев, по его мнению, во многом одинаковы с вещами, лежавшими глубже, но вместе с тем здесь появляются некоторые изделия, находящиеся аналоги уже в инвентаре глазковских энеолитических погребений и более поздние (в частности, попадались и очень мелкие фрагменты из бронзы). Однако, как отмечается, находки изделий глазковского типа немногочисленны и маловыразительны, причем связываются с поверхностными отложениями.

Таким образом, из приведенных А.П.Окладниковым данных явствует, что Улан-Хада «как поселение, в основном, существовало почти непрерывно в течение лишь одного, хотя и очень длительного промежутка времени на границе двух больших этапов развития неолитической культуры, отмеченных серовскими и китойскими погребениями, охватывая конец первого и начало второго этапа»¹⁸.

Оценивая рассматриваемые исследования А.П.Окладникова в области неолита Прибайкалья, следует сказать, что они являлись по сути дела первым трудом, написанным на основе марксистской концепции истории общества, как справедливо отметил в своей недавно вышедшей историографической работе Н.А.Савельев¹⁹. Это было, по определению самого А.П.Окладникова, историко-археологическое исследование, в котором археологические памятники со-

орудий, но и целых комплексов. Сходство инвентаря позднего серовского и раннего глазковского очевидно»²¹. Так, касаясь инвентаря серовских и глазковских погребений, он указывает на то, что составные рыболовные крючки серовского типа имеют совершенно иной, не китайский, облик и очень близки к глазковским. Форма же костяных серовских цельнорезных рыболовных крючков с жалом повторяет форму медных крючков глазковского этапа, а гарпуны серовского и глазковского этапов представляют собой единую характерную группу и, в отличие от гарпунов китайского этапа, не имеют отверстия в основании. Серовский и глазковский этапы характеризуются многообразием типов наконечников стрел (особенно распространены с выемкой и насадом), для китайского этапа наконечники стрел менее характерны и типичными являются наконечники с закругленной базой. В то же время для серовского и глазковского этапов характерен многообразный набор тесел, долот, топоров с различными формами лезвия. Они в то же время поражают тщательностью обработки и правильностью форм, в отличие от случайной формы топоров и тесел китайского этапа, которые часто только зашлифованы со стороны лезвия. В погребениях серовского и глазковского этапов керамика гораздо более обычна, чем в китайских, где она встречается в виде исключения. Наконец, в китайских погребениях в качестве украшений фиксируются клыки кабана, резцы бобра и тарбагана, в серовских же и глазковских типичны подвески из атрофированных клыков изюбра и резцов лоса. Следует отметить также, что китайские погребения, как правило, сопровождалась засыпкой охры, а для серовских и глазковских она не была обязательной.

Таким образом, как полагает М.М.Герасимов, «степень сходства серовского и глазковского этапов столь велика, что поздний серовский этап как бы переходит в ранне-

орудий. Изменения в производственной деятельности привели к сдвигам в общественном строе и мировоззрении.

Разработанная А.П.Окладниковым схема развития неолита Прибайкалья вначале признавалась большинством исследователей, работавших в области археологии этого и других ближайших регионов. Собственно археологической ее назвать трудно, так как она коренным образом отличалась от технологических эволюционных построений Б.Э.Петри. Базируясь на принципах стадийного подхода — жесткое соответствие в изменениях орудий труда, хозяйства, социальной структуры и т.д. — эта периодизация оценивалась им как общеполитическая.

Однако вскоре периодизация А.П.Окладникова вызвала резкую критику со стороны М.М.Герасимова²⁰. Объектом разногласий явился вопрос о месте в периодизации китайской группы погребений, на первый взгляд не вносящей существенных изменений в периодизацию. Однако любая даже незначительная перестановка звеньев подрывала принцип, на котором она была построена. Ведь каждая стадия неолита Прибайкалья, по мнению А.П.Окладникова, строго соответствовала векам общеполитической периодизации и, в данном случае, иллюстрировала переход от низшей ступени варварства к средней.

При этом предложенная М.М.Герасимовым периодизация прибайкальских неолитических памятников базировалась на явно большей близости между собой серовских и глазковских памятников, нежели китайских и глазковских. Вследствие этого хронологическая последовательность неолитических памятников Прибайкалья определялась им в следующем порядке: 1) китайские, 2) исаковские и 3) серовские. Отсюда глазковский этап непосредственно следовал за серовским. «Подробный анализ инвентаря серовского и глазковского этапов, — пишет он, — дает возможность отметить очевидную близость не только отдельных типов

глазковскими памятниками Прибайкалья наличие каменных надмогильных выкладок и ориентация покойников вверх по реке, и в кремневом, костяном и металлическом инвентаре аналогии имеются почти для всех форм (наконечники стрел треугольной формы с прямым основанием или выемкой в нем, кремневые дротники, ножи, костяные кинжалы, гарпуны, рыболовные крючки, металлические ножи в костяной рукоятки и т.п.). Существенным обстоятельством является заключение авторов фофановских раскопок о том, что данные группы не связаны между собой ни по материальной, ни по духовной культуре, и о том, что между первой группой, сближаемой с китойской культурой Прибайкалья, и следующей за ней второй — глазковской имеется значительный хронологический разрыв, что отразилось (а это особенно важно отметить) на стратиграфическом положении могил. Так четко было зарегистрировано, что границы юм китойских могил начинались лишь от уровня второй погребенной почвы или между второй и первой погребенными почвами, но никогда от первой, а глазковских могил, как правило, либо от первой погребенной почвы, либо непосредственно под нею.

Вообще следует сказать, что результаты работ указанной Иркутской экспедиции 1959 года, имея в виду, прежде всего вышеуказанную стоянку Улан-Хада, внесли значительный вклад в дело изучения периодизации неолита и энеолита Прибайкалья. Один из участников этой экспедиции Л.П.Хлобыстин, принимавший участие в раскопках стоянки Улан-Хада и тщательно изучивший материалы ее раскопок Б.Э.Петри, предложил вскоре свою схему периодизации ее слоев, а привлекшая и другие поселенческие материалы, в целом периодизацию байкальских неолитических и энеолитических, а также других более ранних и поздних памятников²⁷. Вот как выглядела эта схема в отношении изученных периодов:

глазковский и нередко различить эти этапы крайне затруднительно»²².

Китойский же этап, если его поместить, как полагает А.П.Окладников, между серовским и глазковским, «разывает стройную картину единого развития материальной культуры Прибайкалья. Он как бы врезается инородным телом между серовским и глазковским этапами, не обнаруживая элементов перехода от серовского к глазковскому этапу. Китойский же этап не имеет преемственной связи ни с предшествующим, ни с последующим этапом истории»²³. К тому же важное значение приобретает то обстоятельство, что в области хозяйственной деятельности китойцы, в основном, были, прежде всего, рыбаками, в то время как серовцы и глазковцы, прежде всего, были охотниками, пользовавшимися уже сложным охотничьим луком²⁴.

Анализируя некоторые важные материалы исаковского и серовского этапов и объединяя их в один последний этап, М.М.Герасимов предполагает, что китойский этап предшествует ему и соответствует по времени раннему неолиту²⁵.

Таким образом, М.М.Герасимовым были приведены веские основания для пересмотра периодизации А.П.Окладникова, которые вскоре фактически были значительно подкреплены результатами его совместных с Е.Н.Черных работ на Фофановском могильнике в дельте реки Селенги, в составе Иркутской археологической экспедиции Института археологии, 1959 года²⁶. Там были зарегистрированы три группы погребений, две из которых относятся к изучаемому нами времени и сопоставляются с китойскими и глазковскими байкальскими памятниками. Первую группу obviously сближают с китойскими памятниками Ангарского бассейна такие общие черты, как засыпка погребенных охрой, наличие характерных мраморных колец и кинжалов с вкладышами. Вторую же глазковскую группу сближает с

ся верховья Амура — прим. мос), т.е., видимо, из Забайкалья.

Не доказанным, однако, представляется определение китойского керамического материала в Прибайкалье. Оно обосновывается Л.П.Хлобыстиным распространением здесь керамики так называемого посольского типа, с утолщенными налечами по венчику и сквозными отверстиями на ней, обычно орнаментированной в верхней части сосудов отгисками гребенки и отступающей лопаточки, зафиксированной в IX, в какой-то мере смешанным слое Улан-Хады, по Б.Э.Петри, где она встречена вместе с другими типами посуды, в том числе ранней с отгисками сетки-плетенки. При этом данная керамика, судя по ее фиксации в большом количестве на восточно-байкальском поселении Посольское, совместно с отдельными близкими китойскими изделиями, объясняется им китойской, хотя по погребальным данным для китойского времени зарегистрирована только сетчатая и, вероятно, шнуровая керамика, обнаруженная Н.И.Витковским при раскопках Китойского могильника³⁰. Так что достаточно надежных оснований для определения данной керамики как китойской, нет, что, впрочем, позднее было признано и самим Л.П.Хлобыстиным³¹. Кроме того, как показали исследования на стоянке Горелый Лес в Прибайкалье, для такой керамики получена радиоуглеродная дата, восходящая уже к началу III тыс. до н.э. — 4880 лет тому назад³². Так что достаточно надежных оснований для времени существования китойской культуры в Прибайкалье Л.П.Хлобыстиным не было приведено.

Следует, впрочем, остановиться и на более подробно опубликованных материалах стоянки Улан-Хада из раскопок Б.Э.Петри, которые Л.П.Хлобыстин, прежде всего, и привлек для обоснования собственной периодизации неолита и энеолита Прибайкалья, тем более, что она продолжает

1. Улан-Хадинский этап (VI-V тыс. до н.э.) — докерамический неолит.

2. Серовский этап (IV-III тыс. до н.э.) — объединяется с исаковским этапом, так как последний еще не выявлен на Байкале.

3. Глазовский этап (конец III тыс. до н.э. — XIII в. до н.э.). На формирование его существенное влияние оказала проникавшая в южную часть Байкала еще где-то довольно рано, на серовском этапе, китойская культура, генетический центр которой лежал к югу и юго-востоку от Байкала, при этом следует отметить, что Л.П.Хлобыстин, определяя начальную дату глазовского этапа, счел необходимым заметить, что начальный его период относится еще к неолитическому времени²⁸.

Закладывая эту свою схему, он особенно подчеркивает то обстоятельство, что стратиграфия культурных напластований байкальских стоянок соответствует периодизации древних культур Прибайкалья, разработанной А.П.Окладниковым.

В значительной мере это так, но все же имеются и существенные расхождения. Не говоря уже о том, что начальная дата глазовского этапа явно углублена, в основном это касается отсутствия в хронологической схеме Л.П.Хлобыстина самостоятельного китойского этапа. Этот этап фактически синхронизировался с серовским этапом. Подчеркивалось также на основании картографирования китойских погребальных памятников, что они встречены в Прибайкалье на ограниченной территории, охватывающей южную часть Байкала, Тункинскую долину, верховья реки Ангара, причем сосредоточены они на левом ее берегу, так что сама китойская культура локальна²⁹. Это позволяет предполагать, что основными районами распространения китойской культуры были Южный Байкал и Ангара, куда они проникли предположительно из юго-восточных областей (указывают-

рыболовных крючков (острия и стерженьки из сланца), как правило, байкальского типа и грузики-кибасы.

Керамика же последующего IX слоя подразделяется Л.П.Хлобыстиным на несколько временных типов. Помимо вышеотмеченной керамики «китойского типа», близкой по сольской, здесь зарегистрированы сосуды, которые он относит к позднесеровскому и глазковскому времени. Первые из них — это сосуды с сетчатыми отпечатками, подобные ранее встреченным и гладкостенные, украшенные гребенчатыми отпечатками. Вторые же (впоследствии отнесенные им к керамике так называемого усть-бельского типа), близкие глазковским, с отпечатками на поверхности тонкого крученого шнура и нарезок, с округлым дном, прямыми или в верхней части слегка загибающимися или отогнутыми наружу краями, у некоторых из которых выделена горловина. Орнамент, состоящий из линий и ямок, сделанных отступающей лопаточкой, покрывает верхнюю половину сосуда. Среди каменных изделий следует отметить ножевидные пластины-вкладыши, резцы, проколки, крючки байкальско-го типа, обломок сланцевого шлифованного орудия, миниатюрное тесло из шлифованного белого нефрита, точильный брусок с глубоким желобком, наконечники дротиков, ножи из плиток, обломок каменной рыбы и грузила. Зафиксированы наконечники стрел уже нескольких типов: треугольные с прямым и вогнутым основанием, листовидные, черешковые.

Образование трех вышеперечисленных слоев произошло в течение почти трех тысячелетий (примерно с VI-V по начало II тыс. до н.э.). Накопление песка в этот период было медленным. Сильную гумусированность слоев следует объяснить как интенсивностью жизни на стоянке, так, вероятно, и степной растительностью. В раннеглазковское же время характер аккумулятивного процесса изменяется. На поверхность IX слоя в большом количестве начинается откла-

играть важную роль в этом вопросе вплоть до настоящего времени³³.

Нужно прежде всего отметить, что в отличие от Б.Э.Петри Л.П.Хлобыстин, как и другие участники раскопок Улан-Хады в 1959 году, четко зафиксировали, что процесс образования слоев в связи с отложением песков на данном поселении происходит не равномерно, а прерывисто (см. ниже).

В самом нижнем XI культурном слое отсутствует керамика, при этом присутствуют только очень многочисленные изделия из камня: клиновидные нуклеусы, ножевидные пластины, проколки, провертка, срединные и угловые резцы, нуклеусы-дрили (особенно характерные еще для эппалеолита), грузила, заготовки крючков, небольшое сланцевое шлифованное тесло, куски песчаника, служившие абразивами, куски шифера со следами резания и шлифования и др. Наконечники стрел, так же как и керамика, отсутствуют. По мнению Л.П.Хлобыстина, этот слой относится к периоду, заключающему эппалеолит и непосредственно предшествующему появлению керамических изделий — периоду так называемого бескерамического неолита, сопоставимому с хиньским этапом.

Керамика же регистрируется в следующем X слое, отделенном от XI слоя значительным промежуточком времени. Здесь обнаружены обломки глиняных круглодонных сосудов со слабо выпуклыми плечиками, переходящими либо в прямую высокую горловину без особо выделенного венчика, либо в круто отогнутый наружу венчик. Встречены обломки круглодонного сосуда, украшенного роликовым штампом. По всему облику эти сосуды следуют, по мнению Л.П.Хлобыстина, отнести к позднесеровскому времени. По основному составу орудий X слой повторяет XI-й. Особо следует отметить обломки наконечников стрел подтреугольной формы. Также встречены обломки песта, части

дываться золотой песок. Это связано с изменением климата, наступлением аридного периода, уничтожением растительности, сдерживающей наступление песков, и резким падением уровня вод в Байкале.

В толще песков, включающих VIII-II слои стратиграфической колонки Б.Э.Петри, идут тонкие гумусно-углистые прослойки, вероятно, древние почвенные горизонты, с которыми связаны остатки сезонных стоянок. Находки, целиком относящиеся к глазковскому времени, показывают, что полутораметровая толща накопилась за сравнительно короткий промежуток времени.

Керамика, найденная в этих слоях, в основном, подобна указанным поздним сосудам IX слоя. Тонко выбитые, они покрыты сложными узорами из линий отступающей лопаточки, кроме того, наносились один-два ряда жемчужин, небольшие ямки у венчика, который бывает слабо утолщенный. На одном сосуде прямыми линиями вырезаны изображения змей и косых крестов. В каменном инвентаре продолжают встречаться изделия из ножевидных пластин: острия, вкладыши, резцы, но их процент резко падает. Преобладают двустороннеобработанные орудия: ножи, наконечники копий, проколки, сверла, скребла. Есть маленькие нефритовые ножи, обломки двух каменных рыб, грузила. Мелкозернистые оселки явно служили для заточки металлических орудий. В глазковских слоях продолжают встречаться орудия серовских типов, например, ножи подтреугольной формы, что говорит о длительном их переживании.

Как уже говорилось, важную роль в изучении периодизации неолита и энеолита Прибайкалья сыграли раскопки стоянки Улан-Хада Иркутской экспедицией 1959 года, проведенные М.П.Грязновым и М.Н.Комаровой³⁴. Они особенно подчеркнули тот факт, что как в образовании ее наслоений, так и культурных остатках, не наблюдается непрерыв-

ного медленного эволюционного развития форм различных изделий, а очень отчетливо видна смена одних форм другими без переходных типов, и это наблюдается, главным образом, в керамике. Сама же бухта Улан-Хада была обитаема не непрерывно, а, как показали наблюдения, несколько раз, может быть с большими перерывами.

В отличие от раскопок Б.Э.Петри, культурным слоям были приданы буквенные обозначения А, Б, В и Г, причем последний был разбит на три: Г-3, Г-2 и Г-1.

Характерную картину стратиграфии стоянки дал основной раскоп. На зеленковом плотном песке залегают почти сразу один за другим с едва заметной прослойкой более светлого песка три слоя погребенной почвы, как только что сказано, названные Г-1, Г-2, Г-3, соответствующие IX, X и XI слоям из раскопок Б.Э.Петри. Выше следует навесный песок (дюны) с тонкими прерывающимися гумусными прослойками — в средней части раскопа толщина доходит до 1,5 м — это слой В. Он, в свою очередь, перекрыт слоем Б — погребенной почвой. Выше же следует слой наслоения песка с тонкими гумусными прослойками, общей толщиной до 80 см.

Наличие богатого гумусом слоя говорит о довольно длительном периоде покоя, когда на поверхности не образовывалось никаких отложений. В тех случаях, когда слой состоит из минеральных частиц (глины, песка и т.п.), это свидетельствует о том, что в период его образования на поверхности довольно интенсивно шел процесс накопления отложений и на них не успевал сформироваться нормальный дерновой почвенный слой от появляющейся растительности. Этот был период относительно быстрого накопления материала. Таким образом, разрез слоев Улан-Хады, где наблюдается чередование слоев песка со слоями погребенной почвы, свидетельствует не о непрерывном медленном накоплении песка в течение веков и тысячелетий, а о смене пе-

риодов довольно быстрого накопления отложений периодически относительного покоя, когда на поверхности земли в течение длительного времени ничего не отлагалось.

Нижний из слоев Г-3, как считали исследователи, принадлежал докерамическому неолиту. Небольшое количество керамики, обнаруженное в нем, как они полагали, занесено грызунами из верхних слоев. В нем встречены среди других и сравнительно ранние каменные изделия. Сами каменные изделия представлены нуклеусами-резцами, срединными резцами, скребками на конце пластинок, изогнутыми грузиками от рыболовных крючков и др.

Вышележащий слой Г-2 уже характеризуется не только появлением, но и обилием чрезвычайно однородной керамики с сетчатым орнаментом (сетка-плетенка). Исследователи синхронизируют ее с исаковским этапом по А.П.Окладникову.

Следующий же слой Г-1 содержит уже другую керамику, причем не однородную, а принадлежащую трем типам, однако, как отмечается, не ясно, каждый из этих типов характеризует собой особые хронологические периоды или два каких-нибудь из них — сосуществуют. Особенно же характерен для него тип, различные варианты которого хорошо объединяются между собой и отличаются от других по ряду сложных признаков. В нем легко узнается вышеописанная керамика посольского типа с четко выраженным утолщением венчика и рядом ямок по краю сосуда поверх орнамента.

Вышележащий же слой В представлен, в свою очередь, своеобразной керамикой. Это остродонные горшки, часто со своеобразными мысками-выступами по венчику с орнаментом из лент, отгиснутым отступающей лопаточкой. Эту керамику, без сомнения, исследователи отнесли к неолитическому глазковскому времени, хотя и отметили, что А.П.Окладников (как уже нами об этом говорилось), в свое

время ошибочно отнес ее еще к китойскому типу, опираясь, по-видимому, на некоторые аналогии ее орнамента орнаментации костяных изделий китойского этапа. Нетрудно определить, что данный слой соответствует VIII-П слоям Улан-Хады по Б.Э.Петри.

Как видно, культурно-хронологическое определение слоев Улан-Хады, в основном, здесь совпадает с вышеприведенными данными Л.П.Хлобыстина, хотя есть различие в определении слоя Г-2, отнесенного к исаковскому этапу в противоположность Л.П.Хлобыстину, у которого тот же X слой определяется как позднесеровский.

Большое значение имели также работы иркутских исследователей на Улан-Хаде, проведенные в 1974 году, с целью изучения вопросов, касающихся рыхлых отложений этого памятника, палеоклиматических условий их формирования и возраста³⁵. Нужно отметить, что при выяснении залеганий верхних супесчаных отложений, вмещающих культурные остатки, было зарегистрировано, что XI культурный горизонт (подразделение их дается по Б.Э.Петри — прим. мое) залегал в самой нижней погребенной почве темно-серой супеси, а лежащий над X-ым IX культурный горизонт характеризуется неоднородностью слоя и разделением его на две тонкие погребенные почвы в кровле и подошве. При этом по направлению к склону IX и X культурный горизонт сливаются, а в последующем простирании к ним добавляется и XI культурный горизонт. VIII-й же культурный горизонт характеризуется наиболее тонким гумусным слоем в пачке нижних культурных горизонтов, а VII-П культурные горизонты (зафиксированные лишь на погребенном дюнном бугре), содержали лишь сравнительно многочисленные тонкие гумусные прослойки в пачке курпнозернистых песков. Образование отмеченной погребенной дюны, в отличие от предшествующих слоев, связано, как отмечается, с субборе-

альным периодом, с сухостью климата и усилением эоловых процессов.

Последнее подтверждается, в частности, и производными опробованиями на палинологический анализ и радиоуглеродной датой, полученной по VII культурному горизонту 3660 ± 60 ЛЕ-883. Ведь споропыльцевые анализы, в отличие от предыдущих неолитических культурных горизонтов, характеризующихся наступлением хвойных лесов на распространенные здесь ранние степные пространства, обусловленным повышенной влажностью и мягкостью климата, засвидетельствовали по споро-пыльцевым спектрам значительные изменения в сторону похолодания, при этом климат был, возможно, холоднее современного, так как во взятых пробах встречается в большом количестве несозревшие пыльники травянистых и споровых растений. Сам состав спектра указывает на открытые ландшафты, занятые луго-степными сообществами, в которых пыльца трав составляла 79-92%, а древесных только 3-8%.

На основании проведенного изучения исследователи сделали вывод, что формирование, в частности, указанных мощных гумусных горизонтов можно сопоставить с голоценовым оптимумом, датированным (по Н.В.Кинд) в $7,9 \pm 200$ — $4,5 \pm 100$ тыс. л.н., а отмеченное остепнение сопоставляется с суббореальным похолоданием.

Касаясь же археологической датировки культурных горизонтов, исследователи особо отметили, что «в настоящее время (по данным Л.П.Хлобыстина и В.В.Свинина — прим. мое) принято относить самый древний XI культурный горизонт к финальному этапу мезолита — 5 тыс. до н.э.; X — культурный горизонт к позднесеровскому времени (первая половина III тыс. до н.э.); IX культурный горизонт считается хронологически смешанным и датируется второй половиной III тыс. до н.э. — началом II тыс. до н.э. (финально-серовский, китойский и глазковский этапы); пачка

VIII-II культурных горизонтов датируется глазковским этапом 1700-1300 лет до н.э.; I культурный горизонт — шиверским этапом 1200-800 лет до н.э. и 0 культурный горизонт относят к эпохе железа — конец I тыс. до н.э. — начало I тыс.». ³⁶

При этом особо отмечается, что «такая датировка культурных горизонтов Улан-Хады, хотя и подтверждает данные палинологического анализа, является упрощенным переводом хронологии погребальных комплексов на материалы поселения и нуждается в уточнении». И далее говорится, что «окончательное выяснение абсолютного возраста культурных остатков возможно только в будущем, при получении радиоуглеродной колонки и полной дробной классификации материалов раскопок и сопоставлении их с материалами других многослойных поселений, открытых и раскопанных в последние годы» ³⁷.

Следует вместе с тем сказать, что несколько ранее одним из авторов данных геологических и палинологических исследований на Улан-Хаде Н.А.Савельевым, совместно с Г.И.Медведевым, была предпринята новая попытка ревизии хронологической схемы неолитических и энеолитических памятников Прибайкалья А.П.Окладникова на основании раскопок на многослойном поселении Усть-Белая. Ими был выявлен, с их точки зрения, ранний керамический комплекс в слое II-A, входящим повсеместно здесь в контакт с культурным горизонтом финального мезолита. Указанные исследователи полагают, что они имеют дело с новой ранней неолитической культурой. Следует отметить, что они считали эту культуру локальной, таковыми же объявлялись и китойская, исаковская и серовская, причем в отличие от нее возраста еще более неопределенного ³⁸. Этим они как бы довели до крайности мысли, ранее высказанные Л.П.Хлобыстиным и В.В.Свининым (о нем см. ниже), которые все же считали локальной только китойскую культуру.

Однако ответная реакция А.П.Окладникова не замедлила себя ждать³⁹. Было довольно убедительно показано, что среди инвентаря «новой открытой культуры», в основном, находятся те же изделия, которые весьма характерны для китайских, серовских и глазковских групп памятников. В самом деле такие изделия можно разделить на две группы: неолитические и энеолитические.

В первую из этих групп, неолитическую, входят тесла из серого аргиллита и серого сланца, а также и нефрита, овальные в поперечнике или близкие к прямоугольным, ретушированные вдоль краев ножи из плиток аргиллита, кремневые наконечники стрел, двусторонне ретушированные, имеющие асимметрично выгнутое основание с одним удлиненным и другим укороченным шипом-жалыем и так называемые «выпрямители древков из песчаника с продольными желобками». Наконечники же гарпунов в принципе принадлежат к числу гарпунов китайского типа — с одним боковым выступом в основании — и отличаются от большинства таких гарпунов лишь отсутствием в этом выступе отверстия. Что же касается трубочки из полой птичьей кости, украшенной ритмически чередующимися группами поперечных насечек, то такой предмет и орнамент на нем в полной мере характерны как для серовских, так и китайских памятников.

Для второй из этих групп — энеолитической, правда, указано значительно меньшее число изделий, в том числе, помимо треугольных двусторонне ретушированных наконечников стрел с прямо срезанным основанием и отдельных других, также рыболовные боченковидные стерженьки рыболовных крючков глазковского типа (правда, довольно примитивные со сравнительно неглубоким продольным и коротким желобком на нижнем расширенном конце, видимо, только являющиеся начальным звеном в развитии их).

Указано также, что найденные фрагменты керамики, особенно имеющие орнаментацию в виде «отступающей лопаточки», широко представлены именно в глазковских памятниках⁴⁰.

На основании этого А.П.Окладников считает, что выявленный иркутскими археологами усть-бельский комплекс является переходным звеном от зрелого неолита к начальной поре бронзового века или энеолита. Однако с нашей точки зрения нельзя исключать, что мы имеем дело со смешанным комплексом раннего и развитого, в том числе и переходного к бронзе, неолита. И это подтверждают раскопки Г.М.Георгиевской на этом памятнике⁴¹.

В отличие от указанных исследователей она произвела раскопки на другом участке данного поселения, где культурный слой, имеющий гораздо большую мощность (до 80 см, в отличие от 60 см), позволил выявить и более нижний культурный горизонт по характеру его инвентаря типично классический китайский, над которым явно залегал горизонт 2-А с типичными для него культурными остатками. Среди его инвентаря отмечаются фрагмент глиняного сосуда с отгисками сетки-плетенки, грузило из плоской гальки с двумя боковыми выемками для крепления, обломок стерженька сланцевого рыболовного крючка китайского типа, полуцилиндрический брус с желобком из мелкозернистого песчаника, скребок из кварцита округлой формы и косая игольник, украшенный резным орнаментом, состоящим из парных поперечных насечек, расположенных по обе стороны осевой линии изделия, отмеченных ритмически расположенными грушевидными короткими штрихами.

Таким образом, если культурный горизонт II-А, как считали Н.А.Савельев и Т.И.Медведев, находился в контакте с культурными горизонтами финального мезолита, то тем более это возможно сказать об отмеченном китайском комплексе.

Свою периодизацию археологических памятников Прибайкалья, в частности, касающихся неолита и энеолита, во многом базирующуюся на древних байкальских поселениях, предложил и В.В.Свинин⁴². Вот как она выглядит в отношении изучаемых периодов:

1. Докерамический неолит, по Л.П.Хлобыстину, представленный улан-хадинским комплексом, он относит к финальному мезолиту и датирует второй половиной V тыс. до н.э., считая, следовательно, датировку его Л.П.Хлобыстиным VI-V тыс. до н.э. завышенной.

2. Ранний неолит, комплексы которого содержат керамику классического исаковско-серовского типа, с отпечатками на поверхности сосудов отгисков сетки-плетенки, и специфические каменные изделия, в том числе рыболовные крючки байкальского и китойского типов, он относит к IV — первой половине III тыс. до н.э.

3. Поздний неолит, характеризуемый керамикой, изготовленной выбиванием гладкой или рубчатой лопаточкой и орнаментированной разнообразными вариациями вдавлений отступающей лопаточки, типичной для позднесеровских и раннеглазковских памятников Прибайкалья, вместе с широким распространением нефритовых изделий и орудий, имевших уже раннеглазковский облик, датируется им второй половиной III — первой половиной II тыс. до н.э. Китойский же комплекс изделий, характерный для южных районов Байкала и Прибайкалья, также относится к этому времени.

4. Энеолит или ранний бронзовый век, в основном характеризуется тем же глазковским комплексом керамики и каменных орудий, но появляются и первые медные и бронзовые изделия. Впервые также появляется керамика, изготовленная при помощи выбивания колотушкой, обмотанной тонким крученым шнуром, но мотивы орнамента остаются старыми — горизонтальные пояски вдавлений отступающей

лопаточки. Этот позднеглазковский комплекс датируется второй половиной II тыс. до н.э.

Не трудно заметить, что в периодизации В.В.Свинина выделенные А.П.Окладниковым этапы, прежде всего, серовский и глазковский, как бы подразделяются на ранне- и поздненеолитические, а также энеолитические и в то же время ранние из них объединяются с предшествующими, а поздние с последующими. Что же касается китойских памятников, то они располагались лишь на юге изучаемой территории и по времени сопоставимы с поздненеолитическими байкальскими памятниками. В то же время, как отмечает В.В.Свинин, между китойской и раннеглазковской культурами устанавливается тесная связь и последняя впитала в себя многие элементы первой⁴³. Непонятным в то же время остается факт отнесения В.В.Свининым рыболовных крючков китойского типа (одного из эталонных изделий китойской культуры) к раннему неолиту.

Следует отметить, что представленная периодизация неолитических и энеолитических памятников В.В.Свинина во многом базировалась на результатах геологического исследования антропогенных образований в многоослойном археологическом памятнике Большая Луларская пещера, на севере Байкала⁴⁴. Здесь в среднем слое в отмеченных фактически на очень малой по глубине напластованиях, сменяющих друг друга (по 5 см) была встречена последовательно керамика с отгисками сетки-плетенки, затем выше изготовленная выбиванием гладкой или рубчатой колотушкой (в одном случае вафельной), орнаментированная вдавленными горошинами, желобками, вдавлениями отступающей лопаточки по валикам, потом же сменили ее сосуды с отгисками лопаточки, обмотанной тонким крученым шнуром, орнаментированные накладными рубчатыми валиками и, наконец, выше курыканская толстостенная керамика с плоским дном. В целом, это может быть и так, причем

именно для севера Байкала, где расположен рассматриваемый памятник, так как там известны, в частности, и другие поселения с керамикой, очень близкой к более северной якутской, особенно ымыяхтахской (по технической орнаментации сосудов и художественному орнаменту в виде различных сочетаний прочерченных линий)⁴⁵.

Это обстоятельство явно отличает данные поселения от южных поселений Верхнего Приангарья (Усть-Белая, Горелый лес), где уже в раннем неолите, так же как и в Западном Забайкалье, регистрируется совместное нахождение сетчатой и шнуровой керамики (см. ниже). Вместе с тем факт, отмеченный при исследовании рассматриваемого памятника — наличие в одном кострище совместно с углями сетчатой, гладкой, рубчатой и шнуровой керамики — ставит во многом под сомнение обоснованность вышеприведенной периодизации и особенно приводимых для нее абсолютных дат, тем более, что угли этого кострища дали вполне определенную радиоуглеродную дату 4000 ± 80 л.н. (СОАН-579).⁴⁶ Предположение же о некотором перемещении отложений неолита при жизни древних людей не может быть отвергнуто, но вместе с тем ничем и не доказано.

Все вышеприведенные исследования Улан-Хады вместе с рядом других новых изученных байкальских памятников на предмет их периодизации были недавно в значительной мере обобщены в работах О.И. Горюновой⁴⁷. Имеющиеся о них сведения с использованием немого числа новых материалов, основанные к тому же на привлечении данных стратиграфии, палеопочвоведения, палинологии и радиоуглеродных анализов позволили ей представить свою точку зрения на эти вопросы. Следует кратко остановиться лишь на двух наиболее важных опорных многослойных поселениях, дающих представление о проведенных ею в этом отношении исследованиях.

Прежде всего это вышерассмотренное поселение Улан-Хада, стратиграфический разрез которого представленными отложениями субэарального генезиса, мощностью 3,60-4,72 м, причем культурные горизонты связаны с темными гумусированными почвами, отделенными друг от друга стерильными песчаными прослойками. Описание культурных горизонтов изучаемого времени дается в порядке их залегания снизу вверх.

XI культурный горизонт. Преобладают призматические пластинки и орудия из них (40% от общего числа предметов): вкладыши, угловые резцы, проколки. Нуклеусы: клиновидные, псевдоклиновидные, призматические, микронуклеусы. В составе орудий: резцы, помимо угловых, полидрические, срединные многофасеточные, трансверсальные, нуклеусы-резцы, концевые скребки из пластин, тесло с притупленным обушком и с частичной пришлифовкой (сечение прямоугольное); грузила и стерженьки составных крючков (3 типа: изогнутые с зарубками для крепления, изогнутые с полукольцевыми насечками, прямые с боковым креплением). Керамика и наконечники стрел в слое отсутствуют. По номенклатуре и типологическому составу данный горизонт сближается с рядом финально-мезолитических поселений Приангарья (VI-V тыс. до н.э.). Наличие в инвентаре шлифованных орудий указывает на его близость к неолитическим и позволяет датировать их не древнее V тыс. до н.э.

X культурный горизонт. Керамика с отгисками сетчатости без орнамента, либо с пояском ямочек. Призматические пластинки и изделия из них составляют 29%, нуклеусы — 1,2% (преобладают конические и призматические с незамкнутым фронтом).

Орудия: резцы угловые из призматических пластинок и нуклеусы-резцы, топоры с приостренным обушком и линзовидным сечением из кварцита, шлифованное тесло с притупленным обушком; новые типы изделий — наконечники

стрел с прямой базой и рыбы-приманки. Указанная керамика с отгисками сетки-плетенки широко распространена в Приангарье, Якутии, в бассейне Средней и Нижней Ангары, где она относится к IV тыс. до н.э. Сведения о более древней датировке (VI горизонт Горелого Леса имеет дату 6695±150 л.н.) позволяют отодвинуть границу ее появления к концу V тыс. до н.э. Таким образом, можно датировать X горизонт — концом V-IV тыс. до н.э.

IX культурный горизонт. Керамика шести основных групп: с отгисками сетки-плетенки без орнамента, либо с пояском ямочек; с негативами шнура, без орнамента; украшенная рядами штамповых вдавлений; оформленная «пунктирным» орнаментом; украшенная «елочным» построением зубчатых отгисков, либо прочерченных линий; с утолщенными венчиками, орнаментированная «отступающей» лопаткой и мелкими дырочками. Поверхность их с негативами сетки-плетенки, шнура, штриха и гладкостенная. Нуклеусы (0,5%): преобладают призматические одноплощадочные. Орудия: нуклеусы-резцы, угловые резцы, прямые стерженьки составных крючков, грузила и рыбы-приманки. Новые типы изделий: топор с «ушками», тесло из нефрита, распространяются бифасы (вкладыши, наконечники стрел, ножи). Наконечники разнообразных типов (с прямой, вогнутой базой, симметричными и асимметричными шипами, ромбовидные и с черешком). Что касается гладкостенной керамики, украшенной «пунктирным» орнаментом, то она имеет широкие аналогии в материалах погребений позднесеровского времени и датируется не позднее конца III тыс. до н.э. Подобная керамика отмечена, в частности, в V горизонте поселения Казачка (Красноярский край), датированном не позднее середины III тыс. до н.э. (IV горизонт Казачки имеет дату — 4580±60 л.н.). Сосуды с негативами тонкого шнура, украшенные прочерченными линиями, встречаются в Приангарье и в восточном Забайкалье, где они относятся к

концу IV — началу III тыс. до н.э. (дата V A горизонта Горелого Леса — 5430±120 л.н.). Керамика же с утолщенными венчиками, украшенная мелкими отверстиями и «отступающей» лопаточкой, широко распространена в Приангарье, Якутии, Забайкалье и датируется III тыс. до н.э. Каменный инвентарь (вкладыши-бифасы, ножи-бифасы, тесла из нефрита, наконечники стрел с черенком и вогнутой базой, рыбы-приманки) находит аналогии в серовских и отчасти китойских материалах Приангарья. Топоры с «ушками» широко распространены от Енисея до Якутии и относятся к III тыс. до н.э. Данные радиокарбонového (IX горизонт — 4560±100 л.н. ЛЕ) и палинологического анализов уточняют хронологические границы комплекса концом IV — серединой III тыс. до н.э.

VIII культурный горизонт. Вся керамика «штриховая» и гладкостенная, оформлена «отступающей» лопаточкой. Встречаются сосуды с волнистым контуром венчика, украшенные горизонтальными рядами с «бахромкой», сплошь орнаментированные сочетанием горизонтальных линий, зигзагов и бордюров. Каменный инвентарь: бифасы — подтреугольные ножи и наконечники стрел (появляются с овальной базой); прямой стержень составного крючка с кольцевыми нарезками, двусторонний гарпун с перпендикулярными шипами. Указанная керамика усть-бельского типа, орнаментированная «отступающей» лопаточкой, находит аналогии в памятниках Верхнего Енисея и Западной Сибири, датированных поздним неолитом (вторая половина III тыс. до н.э.). Радиокарбонové даты данного горизонта (4150±80 л.н. ЛЕ) согласуются с общей датировкой.

Пачка VII-II культурных горизонтов. Керамика во многом аналогична усть-бельскому типу, но композиция орнаментов упрощается, появляется новый элемент «жемчужины» и мотивы — солярные и зооморфные символы. Группа орудий: долотовидные; ножи из нефрита (пластин-

чатые и с треугольным лезвием); мелкозернистые абразивы; вкладыши-бифасы; скребки подтреугольной формы; рыбы-листных микроформ. В целом же наблюдается единство всего комплекса данных горизонтов.

А в I нижнем культурном горизонте встречается керамика (штриховая и гладкостенная) двух типов: украшенная «жемчужинами», с «воротничками», оформленная «отступающей» лопаточкой. Имеются промежуточные группы.

Таким образом, в VII-I нижних культурных горизонтах керамика характеризуется появлением «жемчужин». В Прибайкалье, как и в Западной Сибири, они впервые встречаются в культурах раннего бронзового века (конец III — начало II тыс. до н.э.). Каменный инвентарь (мелкозернистые абразивы, наконечники стрел, рыбы-приманки и топоры из нефрита) — аналогичен материалам глазковских комплексов Приангарья. Верхняя хронологическая граница определяется наличием в I нижнем горизонте керамики с «воротничками», характерной для культур андроновидно-карасукского времени Верхней Оби и Зауралья, появление которой определяется XIII в. до н.э. По данной пачке культурных горизонтов получена серия абсолютных дат (VII горизонт — ЛЕ 3660±60 л.н.; VI горизонт — ЛЕ 3710±100 л.н.; V горизонт — ЛЕ 4220±120 л.н.; I нижний горизонт — ЛЕ 3800±100 л.н.). Таким образом, комплекс VII-I нижнего горизонта датируется первой половиной II тыс. до н.э. — XIII в. до н.э.

Другое многослойное поселение Игтырхей расположено в одноименной бухте юго-восточного побережья залива Курукт, в 3 км к северо-западу от пос. Сахюрте. Стратиграфический разрез представлен слоистой толщей отложений субаэрального генезиса, насчитывающий ряд подразделений. Мощность рыхлых отложений, включающих культурные остатки 2,35 м. Описание культурных горизонтов изу-

чаемого времени также дается в порядке залегания их снизу вверх.

IX-VII культурные горизонты. По номенклатурному составу и морфологии близки между собой. Преобладают призматические пластинки и изделия из них (36-40%): вкладыши, проколки, угловые резцы. Микронуклеусы: двухплощадочные, бифронтальные, одноплощадочные латерально плоские и псевдоклиновидные. Орудия: концевые скребки, полиэдрические и угловые резцы, скребковидные и вкладышевые орудия, односторонний гарпун с косой зарубкой для крепления линия. Керамика и наконечники стрел отсутствуют. Данные горизонты обнаруживают типологическое сходство с XI горизонтом Улан-Хады. Отсутствие шлифованных изделий и радиокарбонная дата VII горизонта (ИИСОАН 7300±290 л.н.) позволяют датировать его в пределах VI тыс. до н.э.

IV культурный горизонт. Сосуды остродонные, с отгисками сетки-плетенки, без орнамента. Набор орудий: микроскребок, пила из сланца, иглы и стерженек составного крючка из кости.

В V-ом же культурном горизонте также зарегистрирована керамика с отгисками сетки-плетенки без орнамента, с пояском отверстий или ямочек.

Комплекс VI-V культурных горизонтов аналогичен X горизонту Улан-Хады и датируется концом V-IV тыс. до н.э.

VI культурный горизонт. Керамика с отгисками сетки-плетенки, гладкостенная, штриховая и с негативами тонкого шнура. Выделяются 4 группы: с пояском ямочек или дырочек; украшенная штамповыми вдавлениями; с утолщенными венчиками, орнаментированная «отступающей» лопаточкой; украшенная прочерченным узором. Орудия: пила из сланца, листовидный наконечник с вогнутой базой и асимметричными шипами, грузила, обломок мраморного кольца; изделия из кости — прямой стерженек составного крючка,

крючок для вязания сетей, орнаментированный стерженек, напоминающий антропоморфные (зооморфные?) скульптуры на стерженьках китайского типа.

В III-ем же культурном горизонте керамика идентична 1 и 3 группе IV горизонта. Орудия: скребки на отщепах, наконечник лавровидной формы.

IV-III культурные горизонты синхронизируются с комплексом IX горизонта Улан-Хады. Ряд изделий (морное кольцо, антропоморфный стерженек из кости, пила из сланца) — находит аналогии в материалах китайских погребений Приангарья. Дата комплекса — конец IV — середина III тыс. до н.э.

II-I культурные горизонты. Керамика гладкостенная и с затертыми оттисками сетки-плетенки. Восстановлен сосуд эллипсоидной формы, украшенный вертикальными рядами штамповых вдавлений. Эти горизонты сопоставляются с материалами VII-II горизонтов поселения Улан-Хада и датируются первой половиной II тыс. до н.э. (ранний бронзовый век).

Исследования этих и отдельных других опорных памятников позволили О.И.Горюновой, совместно с Г.А.Воробьевой создать общую периодизацию культур голоцена Байкала, в том числе рассматриваемых нами времени неолита и энеолита, изложенную в отдельной статье⁴⁸.

Ими отмечено, что в стратиграфических разрезах поселений выделяются 4 ритмические пачки осадконакоплений, соответствующих изменениям климатических режимов, из которых на изученные периоды приходится, в основном, третья и отчасти четвертая пачки, относимые в первом случае к голоценовому оптимуму (VI — середина III тыс. до н.э.), а во втором — к суббореальному похолоданию (середина III — I тыс. до н.э.).

Третья пачка выделяется в разрезе голоцена наиболее темным цветом, обусловленным повышенным гумуссиро-

ванностью и большим обогащением дресвой. В пачке отсутствуют следы криогенных деформаций, сингенетичных осадконакоплению. На отметках 2-10 м над уровнем Байкала пачка характеризуется почти черным цветом, что, вероятно, связано с развитием лугостепной растительности. На более высоких отметках пачка приобретает буроватый цвет, что может быть обусловлено почвообразовательными процессами под пологом лесной растительности. Это подтверждают данные споро-пыльцевого анализа, указывающие на значительное распространение древесных пород (от 35 до 57%). Преобладает пыльца сосны лесной, сосны сибирской, ели, пихты. Незначительным количеством представлены кустарниковая береза и ольховник. Пыльца трав более разнообразна (сложноцветные, злаковые, осоковые), хотя доминирует полын. Среди спор (10-20%) увеличивается содержание сфагнового мха, плаунов лесных видов и папоротников. Наступление хвойных лесов на распространенные здесь ранее степные пространства, по-видимому, обусловлено повышенной влажностью и мягкостью климата. Исходя из этого, третья пачка отложений связывается с наиболее благоприятными климатическими условиями середины голоцена. В отложениях пачки фиксируются X-VIII горизонты Улан-Хады, V-III горизонты Саган-Нугэ и Берлоги, VI-III горизонты Итырхей, датируемые неолитом (4-6,5 тыс. л.н.). Для IX слоя поселения Улан-Хада получена радиокарбонная дата 4500 ± 100 л.н. (ПЕ-12823). Появляется керамика с оттисками сетки-плетенки на внешней поверхности (судя по всему, авторы здесь имеют в виду уже ранний неолит, относимый ими к 6,5-5 тыс. до н.э. — прим. мое). Сосуды круглодонные и остродонные, простой и сложной формы. Каменный инвентарь, в основном, повторяет ансамбль орудий финального мезолита (псевдоклиновидные и призматические микронуклеусы, полиэдрические резцы и дрели, угловые продольные резцы). В этот период появляются новые

типы орудий: наконечники стрел с прямой базой, каменные рыбьи-приманки, пилы с односторонней заточкой из сланца. Широко развитые получают топоры и тесла с овальным и трапециевидным сечениями, стерженьки составных рыболовных крючков (прямые с боковым пазом; изогнутые с зарубками на концах; с зарубками на верхнем конце и боковым пазом на нижнем). Встречаются обломки шлифованных орудий из нефрита и сланца. Комплексы раннего неолита на поселениях наиболее сопоставимы с инвентарем исаковско-серовских погребений Приангарья.

Развитой неолит (5-4,5 тыс. л.н.) — IV-III горизонты Итырхей, IX горизонт Улан-Хады, V-III горизонты Берлогы — представлен комплексами, в которых сочетается гладкостенная керамика с сосудами, украшенными отгисками сетки-плетенки, тонкого шнура, штрихами. Сосуды имеют круглое или острое дно, могут быть как сложной, так и простой формы. Появляется керамика со сложной формой венчика (утолщение с внешней или внутренней стороны). Орнамент представлен построениями прочерченных «шунктирных» линий или штамповых вдавлений (аналогичный позднесеровским материалам); появляются сосуды, украшенные «отступающей» лопаточкой (так называемого попольского типа). Каменный инвентарь состоит, с одной стороны, резцы и дрели, призматические микропунклеусы, прямые стерженьки составных крючков из сланца, рыбьи-приманки, ножи-бифасы, наконечники стрел с прямой и вогнутой базой, тесла с приостренным обушком из нефрита (позднесеровского облика), с другой стороны, появляются точильные бруски из песчаника, топоры с «ушками», пилы из сланца, листовидные наконечники стрел с вогнутой базой и асимметричными шипами (китойского облика), ромбовидные наконечники. Изделия из кости представлены тебловидными орудиями, стерженьками составных рыболовных крючков с отверстием для острия в нижней (расширен-

ной) части или боковым пазом (аналогичными стерженькам из сланца), иглами для вязания сетей, ложками с плоским и вогнутым резервуаром.

Таким образом, развитой неолит, представленный культурно-смешанными комплексами, существовавшими в одном хронологическом срезе (изделия позднесеровского, китойского облика и керамика так называемого «посольского» типа), характеризуют собой период сосуществования этих культур на одной территории.

Поздний неолит (4,5-4,0 тыс. л.н.) — VIII горизонт Улан-Хады — представлен гибридной культурой, корни которой уходят в развитой неолит. Его можно сопоставить с памятниками раннеглазковской культуры. В керамике наблюдается развитие мотивов и узоров, характерных для посуды со сложными венчиками из комплексов развитого неолита, однако утолщение венчиков исчезает. Характерна волнообразная форма края сосудов. Поверхность горшков гладкая или штриховая. Орнамент выполнен «отступающей лопаточкой». Появляется керамика со сплошной орнаментацией поверхности сосуда, так называемого «усть-бельского типа». Орудия представлены наконечниками стрел треугольной формы с прямой и вогнутой базой, симметричными и асимметричными шипами, с черешком, лавролистными формами; ножами-бифасами; обломками нефритовых ножей; прямым стерженьком составного крючка с кольцевыми нарезками по всей длине изделия из сланца; гарпуном с перпендикулярными шипами из кости.

Четвертая же пачка, в свою очередь, отличается резко выраженной слоистостью. Средняя мощность слоев 10 см. Чередуются слои разной степени гумусированности и различного механического состава. Максимальная мощность пачки 1-2 м. Пачка хорошо выражена на склонах высотой от 4 до 10 м. Механический состав песчаный (чередуются тонко-, разно- и крупнозернистые прослои). Гумусированные

горизонты характеризуются различными оттенками: черными, серыми, бурыми и каштановыми. Особенности отенков свидетельствуют о гумусообразовании под различной растительностью при частой смене состава растительности по времени. В верхней части пачки от белесых слоев заложена система узких (7-15 см в устье) и глубоких (1,5-1,8 м) трещин, заполненных песком.

Палеогеографическая обстановка времени формирования этой пачки отличалась резкими изменениями климата: этапы аридизации сменялись периодами умеренной влажности, резкие похолодания — потеплениями. Это нашло свое отражение в составе и строении пачки: песчаные переясанные горизонты (например, VII-II культурные горизонты Улан-Хады) перекрыты гумусированными горизонтами повышенной мощности (I культурный горизонт Улан-Хады). Более поздние культурные горизонты характеризуются маломощностью и имеют криогенные деформации, что отражает еще большую неустойчивость климата Приольхонья в период формирования четвертой пачки. Резкие колебания отменяются и по споро-пыльцевым данным.

В низах пачки (VII-II горизонты Улан-Хады, II горизонт Итырхей) споро-пыльцевой спектр свидетельствует об очередном этапе аридизации, что нашло выражение в повышении содержания пыллы трав (79-92%) и резком снижении пыллы древесных (3-8%). Видовой состав трав разнообразен: осоковые, злаковые, гвоздичные, лютиковые, разноцветные, сложноцветные. Преобладают полын, эфедра, лебедовые. Состав спектра указывает на открытые ландшафты, занятые лугоstepными сообществами. Большое количество в пробах незрелой пыллы травянистых и споровых растений свидетельствует о довольно суровом климате этого периода.

В период формирования наиболее темного гумусированного слоя большой мощности (I горизонт Улан-Хады и

Итырхей, II горизонт Саган-Нутэ) вновь отмечается увеличением древесной растительности (до 20%), что говорит о некотором потеплении.

В верхних слоях четвертой пачки (0-й горизонт Итырхей, II, I горизонты Берлоги, I горизонт Саган-Нутэ, 0-е горизонты Улан-Хады) отмечается уменьшение пыллы трав до 27% и увеличение содержания спор до 55%. Среди спор большинство приходится на плауны: сибирский и кроваво-красный. Высокое содержание плаунов свидетельствует о холодном и сухом климате. Отметим, что данные культурные горизонты уже выходят за рамки изучаемого времени.

Неустойчивость климата и серия радиоуглеродных датировок по слоям поселения Улан-Хада (VII — горизонт — 3660 ± 60 л.н., VI горизонт — 3710 ± 100 л.н., V горизонт — 4220 ± 120 л.н., I нижний горизонт — 3800 ± 100 л.н.) позволяют сопоставить эту пачку с суббореальным периодом. К отложениям четвертой пачки приурочены комплексы бронзового и раннего железного веков (2-4 тыс. л.н.), среди которых мы отметим лишь ранний бронзовый век.

Ранний бронзовый век (4,0-3,3 тыс. л.н.; II, I горизонты Итырхей, VII-I нижний горизонты Улан-Хады, II горизонт Саган-Нутэ) представлен комплексами, сопоставимыми с глазковской культурой Приангарья. Характерна штриховая и гладкостенная керамика, украшенная «отступающей лопаточкой». Орнаментальные мотивы, генетически связанные с посудой позднего неолита, отличаются упрощенным композицией. Встречаются новые мотивы (зооморфные, солярные и антропоморфные) и элементы узора (жемчужины).

В последний период раннего бронзового века появляется керамика с «воротничком», ведущими элементами орнамента становятся жемчужины. Для каменного и костяного инвентаря характерны: мелкозернистые абразивы из сланца, скребки подтреугольной формы с ретушью по всему

периметру, наконечники стрел с прямой базой и наконечники микроформ: ромбовидные, с черешком, листовидные, округлой и вогнутой базой, пластинчатые лавролистные, ножи из нефрита, ножи-бифасы, гарпуны с плечиковым насадом, нефритовые топоры с сплошной шлифовкой (сеченные линзовидные), крупные плоские перламутровые бусы.

Таким образом, работами О.И.Горюновой фактически были подведены итоги всем предшествующим исследованиям байкальских памятников, прежде всего, интересующего нас времени неолита и энеолита (ранней бронзы). В целом, хотя отмеченная периодизация, впрочем как и другие вышерассмотренные байкальские периодизации, носит узколокальный характер, она во многом согласуется с общей периодизацией байкальских неолитических и энеолитических памятников, разработанной А.П.Окладниковым. Тем не менее имеются и некоторые существенные расхождения, в особенности касающиеся вопросов временного сосуществования серовских и китойских памятников и их абсолютных дат. В частности, ею не учтены радиоуглеродные даты байкальских неолитических и энеолитических погребальных памятников, в том числе и изучаемых ею же байкальских, опубликованные ранее А.К.Конопацким⁴⁹. А последнее обстоятельство тем более важно, что в последние десятилетия чисто археологические материалы отдельных вновь исследуемых погребальных памятников мало что дали нового в вопросах периодизации неолита и энеолита, да и все основные исследования в этой области велись по данным, полученным, главным образом, с байкальских и отчасти приангарских поселений.

И, без сомнения, важное значение в определении вопросов периодизации выявленных культурных комплексов Прибайкалья имеют, помимо уже отмеченных, опубликованные в последнее время серии радиоуглеродных дат C_{14} .

Небольшая серия таких дат, произведенных в Сибирском Отделении АН СССР и Ленинградском отделе ИА АН СССР, охватывающая время от неолита до курыканского времени (20 дат) была, как уже говорилось, опубликована А.К.Конопацким. Касаясь изучаемого неолитического и энеолитического периодов, эта серия, представленная, в основном, материалами из погребений, дала следующие результаты.

Китойские погребения в количестве двух 6650 ± 35 — 5720 ± 50 л.н. При этом имеющаяся третья сильно омоложенная дата 4380 ± 15 л.н. для китойского погребения № 2 в Калашихе на Ангаре признана ненадежной, вследствие воздействия на него вод Братского моря, длительное время перекрывавших его.

Серовские погребения в количестве 4-х 5230 ± 270 — 3990 ± 80 л.н.

Глазковские памятники в количестве 9-ти погребений и поселений 4170 ± 30 — 3170 ± 30 л.н.

Исходя из этого, А.К.Конопацкий счел возможным датировать китойские памятники концом V-IV тыс. до н.э., серовские III тыс. до н.э., а глазковские — концом III — началом II тыс. до н.э. — 14-13 веками до н.э.⁵⁰ Однако несколько неожиданным оказался вскоре произведенный им пересмотр времени существования китойских памятников Ангара, перенесенных уже в III тыс. до н.э., на основании вышеуказанной, признанной им ранее ненадежной даты погребения № 2 в местности Калашиха⁵¹.

Другая, уже гораздо более многочисленная серия радиоуглеродных дат байкальских погребений изучаемого времени, производившихся в Геологическом институте АН СССР, была недавно опубликована Л.Д.Сулержицкими и Н.Н.Мамоновой⁵². Были получены следующие результаты:

Китойские погребения в количестве 26-и 7040 ± 100 — 6200 ± 80 л.н.

Исаковские погребения в количестве 2-х 5320 ± 160 — 5000 ± 70 л.н.

Серовские погребения в количестве 13-ти 5170 ± 180 — 4390 ± 80 л.н.

Глазковские погребения в количестве 54-х 4600 ± 100 — 3640 ± 140 л.н.

Исходя из этого, китойские памятники можно датировать V тыс. до н.э. (калиброванные даты по указанным автограм VI тыс. до н.э.), исаковские (учитывая пока все же лишь единичное число дат) второй половиной IV тыс. до н.э. (калиброванные даты конец V — начало IV тыс. до н.э.), серовские — концом IV — большей частью III тыс. до н.э. (калиброванные даты IV тыс. до н.э.), а глазковские второй половиной III — первой половиной II тыс. до н.э. (калиброванные даты — конец IV — конец III тыс. до н.э.)⁵³.

Таким образом, если объединить все вышеприведенные радиоуглеродные даты в целом, полученные по материалам погребений, то абсолютная датировка выделенных А.П.Окладниковым этапов неолита и энеолита Прибайкалья будет выглядеть следующим образом:

Китойский этап — V-IV тыс. до н.э.

Исаковский этап — вторая половина IV тыс. до н.э.

Серовский этап — конец IV-III тыс. до н.э.

Глазковский этап — вторая половина III — часть второй половины II тыс. до н.э.

Среди представленных радиоуглеродных дат отсутствуют, как видно, даты по немногочисленным хиньским погребениям, которые, впрочем, в настоящее время относятся почти всеми исследователями, хотя и с существенными оговорками, вследствие чего условно, к периоду финального мезолита. Характеристику их, как уже отмечалось выше, дал в свое время А.П.Окладников. Их было всего два, но к настоящему времени число их удвоилось⁵⁴. В целом, для них характерны отдельные существенные черты близости, в

основном, с исаковско-серовскими погребениями (наличие надмогильных каменных кладок и в одном случае сопровождение покойников кучками охры). Что же касается их погребального инвентаря, отчасти уже отмеченном выше, то он характеризуется, помимо отдельных отщепов, ножевидными пластинами, в частности, вкладышами, остриями, изготовленными из пластинок, в том числе с выемками в основании, наконечниками стрел с двусторонней обработкой, шиловидными предметами с остриями из шиферного сланца, костяными вытянутыми листовидными наконечниками стрел, обоймой костяного вкладышевого ножа, а также резцом бобра и челюстями тайменя. Г.И.Медведев указывал на возможность их синхронизации с позднейшими мезолитическими горизонтами Усть-Белой, Соснового бора, Уляхи, Царь-девицы на основании сочетания в их инвентаре мелких наконечников — бифасов и острей из призматических пластинок⁵⁵. М.А.Аксенов же, на основании стратиграфического положения одного из них в погребении № 1 Рытвинка на Верхней Лене, указал на некоторую, правда, ограниченную возможность их связи с остатками позднего мезолита, располагающимися в ближайших районах Верхней Лены в самых низах современной почвы и непосредственно подстилающими их делювиальными отложениями, аналогичные которым имеют здесь радиоуглеродные даты 7430 ± 230 и 8270 ± 160 л.н. Датировать отмеченное погребение он склонен временным промежутком между 8 и 7 тыс. лет от наших дней⁵⁶.

Не отрицая отмеченных доводов, следует все же указать, что по крайней мере частично погребальные памятники «хиньского» типа, в частности и само погребение в пади Хиньской, давшей им название, могли продолжать воздвигаться и в ранненеолитическое время, на основании хотя бы наличия в нем все же довольно развитых форм наконечников стрел, тщательно обработанных двусторонней ретушью.

Отсутствие же керамики в таких погребениях, связываемых исследователями с наступлением неолитической эпохи, вероятно, может объясняться ее медленным входением в быт, ведь и в китайских погребениях она регистрируется лишь в единичных случаях. Кроме того, как уже говорилось выше, керамика в отдельных ближайших забайкальских памятниках фиксируется довольно рано вместе с каменным мезолитическим еще по характеру инвентаря. В частности, следует указать и на ее наличие в XI слое Улан-Хады, вместе с типично мезолитическим каменным инвентарем, хотя некоторые исследователи и предполагают ее случайное падение туда (что, возможно, но далеко не достаточно обосновано), не говоря уже о X признаваемом всеми в отличие от XI неолитическим слоем, где керамика сосуществует, по сути дела, с таким же каменным инвентарем. А ведь, как указывалось выше, имеется явное типологическое сходство его инвентаря с IX-VII горизонтами поселения Итырхей, имеющими радиоуглеродную дату СОАН 7300±290 л.н.

Учитывая все сказанное мезолитических, а, возможно, и наиболее ранних неолитических памятниках и известной близости их с исаковско-серовскими памятниками, следует с немалой долей вероятности предположить, что они бытовали до исаковского времени, которые пока по радиоуглеродным датам не выходят за пределы второй половины IV тыс. до н.э., но весьма возможно существовали и в гораздо более раннее время, ведь имеются всего лишь только две даты по ним. В таком случае вполне вероятным будет выглядеть и другое предположение о каком-то временном сосуществовании скорее всего хиньско-исаковских и китайских памятников, не исключая отчасти и серовских с последними. Как уже говорилось выше, исследователями и, прежде всего Л.П.Хлобыстиным и В.В.Свининым, было обосновано мнение о локализации китайских памятников на

левобережье Ангары. Критика А.П.Окладниковым этого мнения с указанием на территориальное «перекрывание» различных неолитических памятников друг другом и распространение также на правый берег Ангары китайских памятников (с приведением лишь единичных таких случаев) не представляется достаточно убедительной⁵⁷. Ведь китайцы признаются исследователями пришельцами (хотя, возможно, и не были таковыми для левобережья Ангары), и не без основания, из Забайкалья, где также зарегистрированы некоторые характерные изделия китайского типа (например, рыболовные крючки с Посольской стоянки), да и данные палеоантропологии свидетельствуют об их близости к забайкальским неолитикам и значительном отличии от других забайкальских⁵⁸. Они, конечно, расселялись, прежде всего, на ближайшей к Забайкалью территории юго-запада Байкала и левобережье Ангары (причем сам этот процесс мог быть значительным по времени), но отчасти проникали также дальше вглубь территории Прибайкалья и скорее всего вступали в ассимиляционные процессы с местным аборигенным населением. Свидетельством последнего могут явиться факты смещения инвентаря местных исаковско-серовских типов на поселениях Приольхонья (средней части западного побережья Байкала), Саган-Заба, слой III и Итырхей, слой IV с некоторыми явно китайскими (ложка с зооморфным изображением на ручке, рыба-приманка, на пером, и кольцо из мрамора, пила из сланца, антропоморфная фигурка на стерженьке, листовидный наконечник стрелы с асимметричными шипами, на втором). При этом имеется и радиоуглеродная дата для III слоя Саган-Забы — 6000±40 л.н. СОАН 1572 и начальная дата IV слоя Итырхей — конец IV тыс. до н.э., определенная О.И.Горюновой, т.е. полностью совпадающие с вышеуказанной датировкой китайских памятников. Правда, следует отметить, в статье, написанной ею совместно с А.П.Хлобыстиным, они, также являясь сто-

ронниками ассимиляции в Приольхонье пришло китое-ского населения (пришедшего сюда, по их мнению, с территории Приангарья или р-на Фофаново), фактически синхронизируют, как и прежде, китойские памятники с позднесеровскими, что, возможно, объясняется самим написанием статьи еще до опубликования значительных данных о радиоуглеродных анализах прибайкальских неолитических и энеолитических памятников⁵⁹. При этом все же необъясненным остается тот факт, что ими отмечается в Приольхонье, не говоря уже о только что упомянутом III слое поселения Саган-Заба, имеющего очень раннюю радиоуглеродную дату, и также явно китойские по обряду и инвентарю погребальные памятники, как Шаманский мыс 3 (1972 г.) (с наличием засыпки охрой, костяных крючков и гарпунов китойского типа, листовидных наконечников стрел с асимметричными шипами и др.), причем последний имеет две очень ранние радиоуглеродные даты 5720 ± 50 и 6650 ± 35 л.н.⁶⁰ В пользу же начавшихся уже в это время ассимиляционных процессов в Приольхонье свидетельствует и наличие у этого погребения каменной кладки, характерной именно для прибайкальских памятников хиньско-исаковско-серовской группы. И, наконец, на возможность длительности этого процесса и вероятности его завершения указывает погребение Шаманский Мыс 2 (1975 г.), в котором, как также справедливо определяют О.И.Горюнова и Л.П.Хлобыстин, сочетаются в погребальном обряде, да и в инвентаре, черты серовской и китойской культур (наличие двойной каменной кладки, отсутствие засыпки охрой, захоронение покойного в вытянутом положении с согнутыми ногами, присутствие в инвентаре типичных китойских гарпунов с односторонними зубцами и отверстиями для крепления линия у основания и др.)⁶¹.

Ранняя датировка китойских памятников, в отличие от вышеизложенных мнений ряда исследователей, в том числе

и последних, как уже было показано, помимо радиоуглеродных дат, подтверждается в большой степени также и данными, полученными в результате стратиграфических наблюдений на Фофановском могильнике и поселении Усть-Белая. Следует также отметить, что помимо того, что такие эталонные изделия как крючки китойского типа, не которые исследователи считают довольно ранними (В.В.Свинин), другие изделия такого рода — китойские, мраморные кольца, округлые или ромбические в сечении, иногда с насечками по их ребрам, находящиеся ближайšie аналогии в ранних памятниках культуры Яньшао Китая, что особенно отмечалось А.П.Окладниковым в целях определения абсолютного возраста китойского этапа, также имеют довольно раннюю дату. Ведь если раньше культура Яньшао датировалась исследователями III тыс. до н.э. и даже серединой — концом III — началом II тыс. до н.э., то после получения для нее радиоуглеродных дат ее датировка значительно изменилась — она «постарела» на 15 и более веков и поэтому ее возраст был определен уже V — концом IV тыс. до н.э., что фактически совпадает с имеющимися радиоуглеродными данными по китойским памятникам⁶².

Что же касается исаковских памятников, то, как уже говорилось, данных по определению их абсолютного возраста, кроме двух радиоуглеродных дат, не имеется, но скорее всего они могли сосуществовать в значительной мере с китойскими памятниками, захватывая, видимо, и целиком IV тыс. до н.э., судя по близости форм, технического и художественного орнамента (отгиски сетки-плетенки, ряды дырчатых вдавлений) к якутской круглодонной керамике сылахоской культуры, датирующейся по целому ряду радиоуглеродных дат этим временем⁶³. К тому же якутская сылахоская керамика имеет отчасти и значительные черты близости уже с более поздней серовской керамикой Прибайкалья, характеризующейся наличием более усложненной

орнаментации в привенечной части сосудов⁶⁴. На некоторых же серовских сосудах, в свою очередь, появляются столь характерные для сысалахской керамики горизонтальные на лепные валики⁶⁵. Так что начальная дата серовского этапа конец IV тыс. до н.э., судя по всему, подтверждается и якутскими аналогиями. Поздняя же дата серовских памятников, очевидно, существовавших до конца III тыс. до н.э., подтверждается, в свою очередь, важными фактами близких аналогий некоторых ее изделий с окуневскими из Минусинской котловины. Ведь типично серовские костяные пластинки-обкладки луков составного типа отмечены в инвентаре окуневского могильника Черновая VI, а своеобразные окуневские костяные антропоморфные изображения — головки кукол зарегистрированы, в одном случае, в эталонном по выразительности, как считает А.П.Окладников, инвентаре погребения № 12 могильника Серово на Ангаре⁶⁶. Как известно, сама окуневская культура синхронизируется сейчас исследователями с глазковской культурой Прибайкалья, причем при этом отмечается, в частности, основным исследователем окуневской культуры Г.А.Максименковым, что все типы глазковских медно-бронзовых ножей и ряда других изделий находят полные аналогии среди окуневских⁶⁷. Датирует же окуневскую культуру Г.А.Максименков XXI-XVII вв. до н.э., то есть ее начало приходится на самый конец III тыс. до н.э. и она следует непосредственно за афанасьевской культурой, датируемой по C₁₄, в основном, второй половиной III тыс. до н.э.⁶⁸ Указанные же полные аналогии глазковских медно-бронзовых изделий окуневским подтверждают, в свою очередь, возможность появления наиболее ранних глазковских памятников, существовавших до карасукского времени (судя по распространению в более поздних из них изделий карасукских типов), еще частично в III тыс. до н.э., что, как уже выше говорилось, и предполагалось некоторыми исследователями. Именно, в основном,

такое время выделенного А.П.Окладниковым глазковского этапа подтверждается также уже многими радиоуглеродными датами, полученными по глазковским поселениям и погребениям, а также выше приводившимися геологическими, стратиграфическими и палинологическими данными.

Таким образом, исходя из вышеприведенных имеющих в настоящее время данных следует высказать вполне обоснованное заключение о том, что наиболее ранними неолитическими памятниками Прибайкалья могут быть час-тично хиньские, датируемые, во всяком случае не позднее V тыс. до н.э. и затем сменяющие их исаковские, относящиеся, в основном, к IV тыс. до н.э., а в какой-то мере одновременно с ними существовали и китойские памятники, относящиеся к V-IV тыс. до н.э. Последующие же серовские памятники датируются концом IV-III тыс. до н.э., а сменяющие их ранние глазковские появляются еще во второй половине или конце III тыс. до н.э. и бытуют вплоть до карасукского времени.

Заканчивая рассмотрение периодизации прибайкальских неолитических и энеолитических памятников, следует отметить, что она производилась все же по двум различным районам Приангарья и западного побережья Байкала, в связи с чем может возникнуть вопрос об их соответствии друг другу. Представляется, что такое соответствие, в основном, несомненно, ведь все типы выявленных памятников (исаковско-серовских, китойских и глазковских) имеются, правда в разном количестве для различных районов Прибайкалья, в том числе имеющих, в целом, и одинаковые временные показатели (табл. 1). При этом интересно вновь заметить, что отмеченные приангарские (по крайней мере левобережные) и байкальские (приольхонские) рассматриваемые памятники, судя по материалам наиболее ранних горизонтов неолитических поселений (отмеченные байкальские стоянки и стоянки Усть-Белая и Горелый лес на реке Белой,

Климатические периоды	Возраст, годы до н.э.	Памятники Приангарья	Памятники Байкала
Суббореальный период	1000		
	1500		
	2000		
	2500		
Атлантический период	3000		
	3500		
	4000		
	4500		
	5000		

Таблица 1.
Хронологическая таблица байкальских памятников
(с датами по С₁₄)

левобережного притока Ангары)⁶⁹ имеют значительные отличия в керамическом инвентаре в виде технических отпечатков на сосудах только сетки-плетенки для байкальских поселений и сетки-плетенки и шнура для приангарских. Возможно, этот факт является новым важным свидетельством в пользу существования уже отмеченной на территории Прибайкалья китойской культуры, хотя он и требует специального изучения, уже выходящего за рамки данного исследования. Во всяком случае, Н.И.Витковским при исследовании Китойского могильника, помимо горшка с отпечатками сетки-плетенки, в одной из могил были отмечены черепки с отпечатками шнура, но нечеткая фиксация этих находок не позволяет уверенно увязывать их с китойскими могилами⁷⁰.

¹ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА. № 18. Ч. I-II. М.-Л. 1950. С.54.

² Архипов Н.Д. История становления и развития археологической науки в Прибайкалье. Автореферат канд. диссерт. М. 1973. С.10.

³ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I-II. С.123.

⁴ Там же. С. 56-57.

⁵ Там же. Ч. I-II. С.57.

⁶ Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопке стоянки Улан-Хада // Сборник МАЭ. Т.3. 1916; его же. Далекое прошлое Бурятского края. Иркутск. 1922. С.21; его же. Доисторические кузнецы в Прибайкалье // Наука и жизнь. № 1. Чита. 1923, С. 34-35; его же. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск. 1928. С.45.

- ⁷ Савельев Н.А. Вклад Б.Э.Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск. 1991. С. 81-82.
- ⁸ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I-II. С. 45-46.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С.46.
- ¹¹ Савельев Н.А. Вклад Б.Э.Петри в изучение сибирского неолита. С.82.
- ¹² Окладников А.П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // ВДИ. № 1 (2). 1938. С. 258-259; *его же*. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА. № 18. Ч. I-II. М.-Л. 1950; *его же*. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА. № 43. Ч. III. М.-Л. 1955.
- ¹³ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. С. 57-58. Табл. 4.
- ¹⁴ Там же. Ч. I-II. Табл. 8. С.139.
- ¹⁵ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I-II. С. 126-140.
- ¹⁶ Окладников А.П., Васильевский Р.С. Северная Азия на заре истории. Новосибирск. 1980. С.83.
- ¹⁷ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I-II. С. 98-116.
- ¹⁸ Там же. С.111.
- ¹⁹ Савельев Н.А. Неолит юга средней Сибири. (История основных идей и современное состояние проблемы). Автореферат канд. диссертации. Новосибирск. 1989. С. 18-20. Описание нами дано, в основном, по очень краткой и точной оценке Н.А.Савельева.
- ²⁰ Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М. 1955. С. 445-450.
- ²¹ Там же. С. 445-449.
- ²² Там же. С.447.
- ²³ Там же. С.448.

²⁴ Там же. С. 448-449.

²⁵ Там же. С. 448-450.

²⁶ Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л. 1975. С. 23-48. Правда, следует отметить, что в заключении этой статьи почему-то неожиданно утверждается без каких-либо оснований, что китойская культура относится уже к финальной стадии неолита. Также и начало глазковской культуры значительно омолаживается — оно не выходит за пределы второй половины II тыс. до н.э. (см. стр. 45-47).

²⁷ Хлобыстин Л.П. Древние культуры озера Байкал (каменный и бронзовый века). Автореферат канд. дисс. Л. 1964; *его же*. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. Т.5. МИА. № 131. 1965. С. 262-265; *его же*. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале // КСИА. Вып. 97. 1963. С. 25-39.

²⁸ Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. № 153. 1978. С. 96-97.

²⁹ Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Байкала. С.264; *его же*. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале. С.29.

³⁰ Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада... С.29.

³¹ Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур. С. 97-99.

³² Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири. С.23.

³³ Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада... С. 25-32.

³⁴ Отчет Иркутской экспедиции Института археологии АН СССР о раскопках на Байкале. Хранится в архиве ИА РАН (Отчет Грязнова М.П., с. 13-15 и отчет М.Н.Комаровой, с. 11-13); Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки много-

слоистого поселения Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск. 1992. С. 18-31.

³⁵ Сизиков А.М., Савельев Н.А., Филимонова Л.А. Геология и возраст рыхлых отложений многослойного археологического памятника в бухте Улан-Хада // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. 1975. С. 121-141.

³⁶ Там же. С.135.

³⁷ Там же. С.136.

³⁸ Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. 1973. С. 56-64.

³⁹ Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск. 1974. С. 12-16.

⁴⁰ Впрочем потом это фактически признал и Н.А.Савельев, отнес керамику усть-бельского типа к раннему периоду бронзы с указанием дат, для нее по C_{14} — 4080 л.н. и 4150 л.н. с некоторых памятников. См.: Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири. С.23.

⁴¹ Георгиевская Г.М. Китайский комплекс на многослойном поселении Усть-Белая // Отчетная научно-теоретическая конференция. Археология. Этнография. Источниковедение. Тезисы докладов. Иркутск. 1979. С. 22-24.

⁴² Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Вопросы истории Сибири. Иркутск. 1971. С. 61-77; его же. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып.2. Иркутск. 1974; его же. Периодизация археологических памятников Байкала // Известия ВСОГО СССР. Т.69. Иркутск. 1976. С. 177-178.

⁴³ Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале. С.68.

⁴⁴ Кульчицкий А.А., Свинин В.В., Адаменко Р.С., Белова В.А., Иванов Л.Н., Федорова В.А. К палеогеогра-

фии Байкала по археологическим материалам из Большой Лударской пещеры // Известия ВСОГО СССР. Т.68. Иркутск. 1971.

⁴⁵ Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963 и 1964 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963 и 1964 годы. Иркутск. 1966. С. 54, 58-59. Рис. 5; Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М. 1969. С. 193-194. Табл. 36, 41, 42, 45, 49.

⁴⁶ Фирсов Л.В., Кульчицкий А.А., Свинин В.В. К хронологии отложений голоцена и палеогеографии северного Байкала // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 3. Иркутск. 1975. С. 142-149.

⁴⁷ Горюнова О.И. Периодизация неолита и палеомегалита побережья оз. Байкал // Проблемы археологии и перспектив изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов). Иркутск. 1982. С. 57-59; его же. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон. Автореферат канд. диссертации. Новосибирск. 1984; его же. Комплексы раннего бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1984. С. 57-59; Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальной культуры Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск. 1986. С. 40-54.

⁴⁸ Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальной культуры Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск. 1986. С. 40-54.

⁴⁹ Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. Новосибирск. 1982. С. 70-80.

⁵⁰ Конопацкий А.К. Древние памятники о.Ольхон и Приольхонья. Автореферат канд. диссертации. Новосибирск. 1979. С. 10-13.

⁵¹ *Окладников А.П., Конопацкий А.К.* Погребения эпохи неолита и ранней бронзы на Ангаре // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1984. С. 27-28.

⁵² *Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.* Опыт датирования по С₁₄ погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. № 1. 1989. С. 19-32.

⁵³ Учитывая то обстоятельство, что все специалисты-археологи по Прибайкалью пользуются некалиброванными датами, мы также считаем возможным придерживаться этого.

⁵⁴ *Медведев Г.И.* Мезолитические погребения Верхнего Приангарья // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск. 1971. С. 99-103; *Аксенов М.П.* Погребение «хиньского» типа на Верхней Лене (Рытвинка I) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск. 1982. С. 6-14.

⁵⁵ *Медведев Г.И.* Мезолитические погребения Верхнего Приангарья. С. 103.

⁵⁶ *Аксенов М.П.* Погребение «хиньского» типа на Верхней Лене. С. 10-11.

⁵⁷ *Окладников А.П.* Неолитические памятники Ангары. С. 9-12.

⁵⁸ *Чернецов В.Н.* Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита и Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. 1973. С. 17, 23-28.

⁵⁹ *Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П.* Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск. 1992. С. 40-53.

⁶⁰ Там же. С. 46.

⁶¹ Там же. С. 45-46.

⁶² *Кучера С.* Китайская археология. М. 1977. С. 151.

⁶³ *Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Романова Е.Н., Семенцов А.А.* Многоослойная стоянка Белькачи I и ее зна-

чение для построения абсолютной хронологии древних культур Северо-восточной Азии // По следам древних культур Якутии. Якутск. 1970. С. 20-21; *Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.* Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-восточной Азии // Якутия и ее соседи в древности. Якутск. 1975. С. 43-44, 46.

⁶⁴ *Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Романова Е.Н., Семенцов А.А.* Многоослойная стоянка Белькачи I ... С. 20.

⁶⁵ *Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I-II. С. 209.

⁶⁶ *Окладников А.П.* Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск. 1976. С. 151-152.

⁶⁷ *Максименков Г.А.* Окуневская культура. Автореферат доктор. дисс. Новосибирск. 1975. С. 15.

⁶⁸ Там же. С. 22-23.

⁶⁹ *Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г.* Раскопки стоянки Горелый Лес // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск. 1974. С. 160-199.

⁷⁰ *Витковский Н.И.* О раскопке могил каменного века в Иркутской губернии на левом берегу Ангары, произведенном летом 1881 г. // Труды V Арх. совещания в Тифлисе. М. 1887. С. 281-282. Табл. XXXVII, 1.

Глава II ЗАБАЙКАЛЬЕ

Памятники неолита и энеолита Забайкалья, административно включающего в себя территории Бурятии и Читинской области, фактически от Байкала на западе и до Амура на востоке, уже давно привлекали внимание исследователей. Об открытии здесь поселений и погребений каменного века имеются сведения в работах ряда дореволюционных ученых (Ю.Д.Талько-Гринцевича, А.П.Мостица, П.С.Михно, А.К.Кузнецова), некоторые из которых продолжали свои исследования и в первые годы Советской власти. Однако выделения конкретных памятников изучаемого времени не было произведено¹. Такие попытки были предприняты в 20-х — начале 40-х годов Б.Э.Петри, Н.П.Михно, Г.Ф.Дебецом и Г.П.Сосновским². При этом Б.Э.Петри, занимавшийся, в основном, неолитическими памятниками Прибайкалья, отнес заинтересовавшие его селенгинские неолитические памятники, вместе с прибайкальско-ангарскими памятниками этого времени, к единой байкальской неолитической провинции. Н.П.Михно, занимавшийся сбором археологических материалов каменного века в окраинной юго-западной части Забайкалья (район г.Кяхта) сделал попытку объяснить геологические условия местонахождения их. При этом памятники неолита он связывал с лессами и илесто-торфяниковым комплексом осадков, в нижней части которых была зафиксирована фауна в виде костей носорога и мамонта, а в верхней части близкая к современной, относя эти отложения, в целом, ко второму последнему оледенению. Одна-

ко, как справедливо впоследствии указал А.П.Окладников, нельзя не только согласиться с отнесением раннего неолита ко времени мамонтовой фауны и носорога, но также как позднего, так и раннего неолита к концу второго оледенения и до начала последнеоликовой степной фазы³. Г.Ф.Дебец же в 1930 году, учитывая имеющиеся накопленные данные, полученные также и в результате собственных исследований, выделил в неолите Прибайкалья и Забайкалья три культуры: ангаро-байкальскую поздненеолитическую, распространенную, в основном, на Ангаре, верхней Лене, на оз.Байкал и некоторых районах, примыкающих к нему, даурскую поздненеолитическую, распространенную фактически в области лесостепной территории Забайкалья, и селенгинскую ранненеолитическую, распространенную в южных районах Забайкалья. Следует, однако, отметить, что последняя культура является более архаичной и более ранней по условиям залегания, чем обычные неолитические находки. Как отмечал Г.Ф.Дебец, изделя этой культуры связаны стратиграфически с древними лессовидными суглинками, лежащими ниже слоя погребенной почвы, тогда как памятники даурской культуры располагались в верхнем горизонте погребенной почвы. Они могли возникнуть не ранее конца ледникового периода. Впоследствии Г.П.Сосновский уверенно отнес их к верхнему палеолиту. Что же касается интересующей нас прежде всего даурской неолитической культуры, то Г.Ф.Дебец заметил для нее некоторые характерные каменные орудия (острия с выемками, микроскрепки, пластины со скошенной спинкой), а также тонкостенную круглодонную керамику, в большей части со штрихованной поверхностью, орнаментированную гребенчатыми, прямоугольными и другими штампами. Классификация и периодизация забайкальского неолитического материала, произведенные Г.Ф.Дебецом еще на рубеже 20-х и 30-х годов, были, по сути дела, первой важной попыткой такого

рода. Что же касается Г.П.Сосновского, то, изучая, в основном, палеолитические и в значительно меньшей степени неолитические памятники Забайкалья, он обратил особое внимание на различие их материалов, используемых для изготовления каменных орудий. В то время как орудия палеолитических форм изготавливались почти исключительно из речной гальки (лидита) черного и коричневого цветов, для неолитических инструментов использовался коричневый кремнь, полупрозрачный халцедон и разноцветные яшмовидные породы. При этом, помимо развитого неолита, характеризующегося наличием керамики, наконецников стрел и шлифованных орудий, по его мнению, существовал и ранний неолит, в котором эти материалы отсутствовали. Для каменного инвентаря этого периода он считает характерными многие черты архаизма при наличии уже более совершенных орудий и техники их обработки. Указан им лишь один памятник этого типа в местности Капчеранка, близ Кяхты, характеризующийся наличием грубых каменных орудий палеолитического облика и мелких каменных изделий (массивные скребла и ножи, небольшие нуклеусы-скребочки, миниатюрные скребочки, ножевидные пластинки, в том числе и с ретушью). Значительно позднее З.А.Абрамова, основываясь на сходстве каменных орудий из Капчеранки с изделиями других позднепалеолитических стоянок Забайкалья, как по форме, так и по технике обработки, не могла возможным выделять его из числа обычных палеолитических памятников данного региона. Вообще, выделив в том же Юго-Западном Забайкалье ряд неолитических стоянок с керамическим инвентарем, она не смогла признать здесь особый бескерамический неолит⁴. Исследования на этот счет З.А.Абрамовой относятся уже к послевоенному времени, 50-м годам. В противоположность З.А.Абрамовой А.П.Окладников в конце 50-х — начале 60-х годов сделал попытку выделить ряд ранне-неолитических или мезолити-

ческих бескерамических стоянок в Западном Забайкалье⁵. Однако вскоре он посчитал возможным связывать неолит только с появлением керамического производства⁶. В 70-м году он, основываясь на новых материалах местных забайкальских археологов, но не обосновывая это, выделил три периода в неолите Забайкалья, правда, с нечеткими хронологическими границами между ними в абсолютных датах (значительно находящимися друг на друга): мухинского (первая половина IV тыс. до н.э. — 2500 г. до н.э.), чинданского (около 3000 г. до н.э. — 2000 г. до н.э.) и будуланского (вторая половина III тыс. до н.э. — середина и начало второй половины II тыс. до н.э.)⁷. Немного позднее, в те же годы, он фактически наметил для западного Забайкалья два последовательных неолитических этапа, помимо ранне-неолитического мухинского, также и более поздний последующий, представленный в частности, многослойными поселениями на р. Нижняя Березовка, близ гор. Улан-Удэ, и около Посольска, на берегу Байкала, а также фофановскими и другими погребениями, близкими по инвентарю и ритуалу к серовским и китойским прибайкальским захоронениям на Ангаре и Лене. При этом для обоснования выделения раннего мухинского этапа ему послужили материалы поселения у др. Мухиной, представленные особенно такими каменными изделиями, как миниатюрные нуклеусы-скребки, скребочки различного рода, гальки оббитые в виде чопелов, а также обломки круглодонных сосудов, покрытых от тисками лопаточки, обмотанной грубой тканью или нитями, но прежде всего то, что материалом для изготовления каменных орудий служила черная кремнистая галька — лидит, т.е. такая же, какая употреблялась еще для местных орудий с селенгинских палеолитических поселений⁸. В более поздних неолитических поселениях для изготовления каменных орудий использовался уже другой материал, на что, как уже говорилось выше, указывал Г.П.Сосновский.

Следует вместе с тем отметить, что в 60-е годы В.Е.Ларичев (совместно с М.И.Рижским), исследуя озерные стоянки и собранные в них подъемные материалы, подразделили их на неолитические и раннебронзовые, опираясь, прежде всего, на периодизацию неолитических и энеолитических памятников Прибайкалья, разработанную А.П.Окладниковым, при этом отчасти привлекая данные и других сопредельных территорий Якутии, Дальнего Востока, Манчжурии и Восточной Монголии⁹.

В 70-е годы В.Н.Чернецовым было высказано мнение об ограниченном хронологическом диапазоне ареала культур даурского типа, характерных для Забайкалья. Указав наиболее характерные для него формы кремневых и костяных изделий и основной тип керамических изделий (острия даурского типа, различные наконечники стрел, в том числе костяные игловидные, вкладышевые ножи и дротики, своеобразные гарпуны с отверстиями для крепления линия, шнуровую керамику и др.) и сочетание двух в корне отличных традиций в обработке камня (изделия из ножевидных пластин с ограниченным применением ретуши и изделия, полностью обработанные ретушью), он считал, что эти культуры не выходят за пределы III тыс. до н.э., хотя и допускал возможность датировки отдельных вещей более ранним временем¹⁰.

Намеченная А.П.Окладниковым вышеуказанная общая периодизация неолита Забайкалья фактически во многом в отсутствие ее аргументации, была, в целом, принята мною для южных лесостепных районов Забайкалья и обобщена в работе «Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья». На основании рассмотрения как исследованных мною поселенческих памятников, так и опубликованных таких же памятников (частично с ограниченными сведениями о них) других исследователей была дана следующая поэтапная их характеристика¹¹.

Первый раннеэнеолитический мухнинский этап из-за крайне ограниченных материалов выделялся в значительной мере предположительно. Он характеризуется круглодонной, близкой к яйцевидной керамикой с отпечатками на поверхности в виде сетки-плетенки, иногда с простейшим орнаментом вдоль венчика в виде ряда округлых углублений и, возможно, гладкостенной также с орнаментом в привенечной части в виде горизонтального ряда зубчатого штампа. В области каменного инвентаря, видимо, еще широко использовались архаичные типы орудий, в частности, грубые чоперовидные, наряду с более мелкими изделиями: нуклеусами с преобладанием определенных форм (нуклеусы-скребки и клиновидные), ножевидными пластинками и изделиями из них, скребками различных форм и, вероятно, другими. На отдельных стоянках этого этапа, видимо, начинается появляться уже характерная для следующего периода керамика с отпечатками штрихов и нитей или грубых тканей на поверхности сосудов. По-видимому, к этому периоду относятся и большое число бескерамических стоянок, а на стоянках, где керамика имеется, ее количество крайне ограничено. Наиболее вероятная датировка этого периода — IV — начало или, возможно, более значительная часть первой половины III тыс. до н.э.

Более значительными материалами представлен второй, среднеэнеолитический, чиндантский этап. В основном, он характеризуется распространением той же основной формы керамики, но преимущественно имеющей на поверхности штрихи, оттиски нитей или отпечатки грубой ткани, иногда со сравнительно простой орнаментацией самого венчика в виде пояски дырчатых углублений, горизонтальных прочерченных линий, желобчатых углублений, рядов штампа-лопаточки или горизонтального ряда гребчатого штампа. Количество керамики на стоянках еще так же довольно невелико. Каменный инвентарь наряду с неко-

торым количеством крупных скребловидных орудий позднелепестчатого облика, тесловидно-скребловидных инструментов «триматухинского» типа из галек и пестов представлен в основном мелкими изделиями разнообразных типов, в том числе, судя по всему, сравнительно большим количеством изделий из ножевидных пластин. Это различных форм нуклеусы (призматические, конические, клиновидные, нуклеусы-скребки и галечные нуклеусы), скребки (концевые, дисковидные, языковидные), ножички, проколки или шильца, остря «даурского» типа (в том числе с боковой выемкой в основании, использовавшиеся как наконечники стрел), вкладыши (с обработкой ретушей как ограниченно краев, так и всей поверхности с двух сторон), резцы (срединные и боковые) и двустороннеобработанные треугольные наконечники стрел (с вогнутым и округловатым основанием или изредка с черешком). По-видимому, в этот период керамика еще не получила повсеместного распространения: имеются и бескерамические стоянки с типичным для этого времени развитым каменным инвентарем. Наиболее вероятной датой данного этапа следует считать III тыс. до н.э., за исключением, видимо, самого его начала и конца.

Третий этап, будаланский, охватывающий период позднего неолита и начало эпохи бронзы, представлен уже гораздо более значительными материалами целого ряда стоянок. В основном он характеризуется более обильной керамикой, причем как прежними, так и более усложненными формами сосудов, имеющими иногда уже не только некоторую отогнутость венчика, но и намекающуюся суженную горловину, а также, возможно, изредка и уплощенные доньшки.

Наряду с прежним техническим орнаментом — отгисками штрихов, нитей и ткани — начинают спорадически появляться и на некоторых стоянках сосуды с вафельными

отпечатками. В целом же орнаментация посуды выглядит довольно нарядной и в известной мере изысканной, причем ею уже украшается не только привенечная часть, но в целом ряде случаев также стенки и доньшки сосудов. Наблюдается сочетание различных элементов орнамента, стремление к их комбинации в разных вариантах, в том числе и с несомненно ментированными участками. Появляются и новые виды орнаментации: елочные, зигзагообразные, арозные, треугольные и др. Впервые отмечаются сосуды со специальными утолщением венчика в виде карнизика (что фиксируется очень часто), а иногда и с валиками в привенечной части.

Каменный инвентарь стоянок этого этапа, хотя в основном и не отличается от каменного инвентаря стоянок чиндантского этапа, тем не менее характеризуется некоторыми новыми важными категориями и типами изделий. Это треугольные наконечники стрел с прямым основанием, зубчатые пилки на пластинах, терки с пестами различной формы, диски-кольца с просверленным отверстием и иногда шлифованные или с пришлифованной рабочей частью тесла и долота. Во второй же половине этого этапа или же ближе к его концу появляются первые металлические изделия. Наиболее вероятной датой будаланского этапа следует считать период с конца III до середины II тыс. до н.э. включительно.

Предложенная периодизация имела, в основном, чисто археологическое обоснование и опиралась на сопоставление с материалами, главным образом, лучше изученных к тому времени территорий Прибайкалья и Якутии, причем на последней она подкреплялась и целой серией полученных радиоуглеродных дат. Стратиграфические наблюдения были получены лишь на одном памятнике — многослойной стоянке Чичиен, на реке Нерче, где были выявлены два культурных горизонта: нижний, отнесенный по материалам и, прежде всего, керамике к чиндантскому этапу и верхний,

имеющей керамику, близкую к глазковской Фофановского могильника и частично к якутской Ымыяхтахской, к будаланскому. Вообще нетрудно заметить, что предложенная периодизация, с учетом известных изменений всего инвентаря базировалась, главным образом, на изменениях керамических сосудов, их формы, технической и художественной орнаментации. При этом существенным ее недостатком, вызванным ограниченным, имеющим место при ее создании уровнем знаний, являлась рассматриваемая в целом огромная территория с существованием на ней разных культур, в том числе и с различным направлением культурных связей отдельных ее районов, при этом существовал и явный недостаток в довольно полных публикациях новых исследованных важных памятников, не говоря уже об отсутствии основательных разработок вопросов, в той или иной мере связанных с периодизацией. Так, после значительных публикаций сведений о важнейшем опорном памятнике Чиндантской стоянке в Восточном Забайкалье с учетом не только стратиграфических данных о залегании ее неолитических культурных остатков, но также и наличия в них определенной ранней фауны и к тому же — палеоклиматических данных (см. ниже) становится вряд ли возможным существенно отрывать ее по времени от другого важнейшего раннеолитического памятника Мухинской стоянки в Западном Забайкалье и следовательно сколько-нибудь значительно разрывав во времени мухинский и чиндантский этапы, которые соответственно должны быть признаны раннеолитическими для Западного и Восточного Забайкалья. Впрочем, нетрудно заметить, что выделенный мною «из-за крайне ограниченных материалов в значительной мере предположительно» мухинский этап мало чем отличается от чиндантского, ведь в них обоих каменный инвентарь обладает значительными архаическими чертами еще позднепалеолитического и мезолитического облика, а

керамические сосуды фактически характеризуются одной формой, в значительной мере художественной и отчасти технической орнаментацией (в последнем случае на поверхности сосудов отгисками штрихов, нитей и грубых ткачей). Правда, как сейчас становится ясным, мною при выделении мухинского этапа ошибочно было произведено противопоставление ранней сетчатой и более поздней шнуровой керамики, так же как и в неолите Якутии, а между тем, судя по всему, в том числе и по вновь открываемым памятникам, таким, например, как раннеолитическая стоянка Кибалино на реке Селенге¹², они могли нередко сосуществовать при этом в разных пропорциях на отдельных памятниках и не только в Забайкалье, но и в Приангарье (стоянка Горелый Лес). В свете этого становится более понятным и сохранение со времени мезолита бескерамических стоянок как в мухинском, так и в чиндантском еще раннеолитических, а не более поздних этапов. Что же касается последующего будаланского этапа, то по характеру инвентаря забайкальских стоянок, в том числе и керамики, его действительно можно отнести к позднему неолиту и энеолиту и соответственно углубить начальную абсолютную дату, распространив ее, по крайней мере, и на вторую половину III тыс. до н.э., а может быть и все III тыс. до н.э.

В самом конце 70-х годов выходит из печати монография Л.Г.Ивашиной «Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии», в которой и некоторых других ее статьях, были рассмотрены западно-забайкальские памятники изучаемого времени. В них значительное место было уделено вопросам периодизации¹³. Во временных рамках неолита и энеолита ею было выделено четыре последующих этапа, кратко характеризующихся следующими чертами.

К раннеолитическому мухинскому этапу относятся стоянки у дер. Мухиной, в долине реки Иволги, у дер. Кибалино, на реке Селенге, верхний слой Ошурковского посе-

ления и ряд других селенгинских стоянок. Характерный их инвентарь — чоперовидные галечные орудия, скребки, нуклеусы-скребки, ножевидные пластины. Керамика представлена фрагментами круглодонных сосудов с отгисками грубой ткани, штриховыми отпечатками шнура и отгисками сетки-плетенки. Каменный инвентарь свидетельствует о доживании древнейших типов галечных орудий до эпохи неолита и развитии его на местной позднелепелитической основе. Характерны два направления этого развития, определяющиеся наличием галечных орудий в виде чоперов, скребловидных орудий и пластинчатых изделий типа острий, проколов и наконечников с ограниченным применением ретуши.

Архаичность этих мезолитических по облику и технике изготовления орудий позволяет предполагать, что нижняя граница мухинского этапа заходит в V тыс. до н.э. Отмечаемая близость целого ряда изделий с раннеолитическими хиньскими и исаковскими памятниками Прибайкалья и имеющими радиоуглеродные даты сылахскими памятниками Якутии позволяет отнести в целом мухинский раннеолитический этап, в основном, к V-IV тыс. до н.э.

Ко второму среднеолитическому нежнеберезовскому этапу относятся нижние слои Нежнеберезовской и Посольской стоянок в долине реки Селенги и верхний слой поселения Санный мыс на реке Уде. В это время продолжают развиваться традиции предшествующего этапа. Для изготовления каменных орудий по-прежнему используется техника отделения ножевидных пластин от призматических нуклеусов. Новым на этом этапе является широкое распространение двусторонне-ретушированных наконечников стрел треугольной формы с прямым или слегка вогнутым основанием, ножей, скребков и т.д. Отмечаются также костяные орудия, как наконечники гарпунов, стерженьки рыболовных крючков, а также шилья, остря, костяные осно-

вы вкладышевых ножей. Керамика, в дополнение к техническому декору, в виде шнуровых отгисков, оглаженных кологушкой, приобретает орнаментацию из различных видов штампа-лопаточки, гребенчатого, штрихов, ямок. Характерным для керамики нежнеберезовского этапа является утолщенный на всем бортик или карнизик, придающий венчику в разрезе треугольную форму. Черты сходства нахолок со стоянок нежнеберезовского этапа с материалами памятников, в особенности, белькачинской среднеолитической культуры Якутии, для которой получены радиоуглеродные даты, позволяют отнести нежнеберезовский этап неолита, в основном, к III тыс. до н.э.

К последующему позднеолитическому бухусанскому этапу относятся ранние погребения известного Фофановского могильника, основная часть могильника Бухусан в районе Еравнинских озер. Элементы сходства в погребальном обряде (наличие охры) и инвентаре (вкладышевые костяные ножи и кинжаловидные остря из рога, роговые гарпуны с прямой и изогнутой спинкой, двусторонне-ретушированные вкладыши, треугольные наконечники — стрел с вогнутым основанием) позволили сопоставлять эти памятники с китойскими захоронениями Прибайкалья, белькачинскими и раннеымыхтахскими культурными комплексами Якутии, причем последние относятся по радиоуглеродным датам к концу III — первой половине II тыс. до н.э.

К энеолиту или ранней бронзе относится основная часть погребений Фофановского могильника, датированная глазковским временем А.П.Окладниковым и М.М.Герасимовым, одно из погребений № 8 вышеуказанного могильника Бухусан и стоянка Харга-I, в районе Еравнинских озер. Аналогии этим памятникам имеются, прежде всего, в глазковских памятниках Прибайкалья. С этим регионом данные памятники связывает сходство керамики, в частности, с VIII-П горизонтом стоянки Улан-Хада (остродонная, круп-

лодонная и плоскодонная посуда, орнаментированная различными вариациями отступающей лопаточки, насечек и вдавлений), в типах каменных и костяных изделий, в погребальном обряде (наличие надмогильных каменных выкладок). Датировать эти памятники, по мнению Л.Г.Ивашиной, можно глазковским временем, по периодизации А.П.Окладникова, т.е., в основном II тыс. до н.э.

Нетрудно заметить, что предложенная Л.Г.Ивашиной периодизация неолита и энеолита Бурятии или фактически Западного Забайкалья, во многом повторяет и обосновывает вышеуказанную периодизацию А.П.Окладникова, которая последним была все же еще фактически также недостаточно обоснована. В целом она, судя по всему, и прежде всего по последним полученным данным, явно нуждается в серьезном уточнении и некотором пересмотре.

Это, однако, не относится к раннему мухинскому этапу. Кроме указанной архаичности каменного инвентаря этого этапа, о его ранненеолитическом возрасте свидетельствует еще и продолжающееся использование каменного сырья, обычного для местных палеолитических памятников, черной кремнистой гальки-лидита, что регистрируется и на таких опорных для него памятниках, как стоянки Ошурково, Мухино и Кибалино (в последнем почти все изделия покрыты характерным известковым налетом). Кроме того, важны и стратиграфические условия залегания ранненеолитических памятников. Так, по представленным более подробным сведениям на стоянке у дер. Мухино культурные остатки были встречены в слое серой супеси с известковой примесью, поверх которой залегал черный гумус с вкраплениями мелкой гальки и даже в верхней части подстилающего его желтого мелкозернистого песка. При этом, при однородности материала стоянки наиболее насыщена находками была нижняя половина слоя. Судя по всему, близкие условия залегания характерны и для стоянок Кибалино и Ошурково¹⁴.

Что же касается второго нижнеберезовского этапа, то он, скорее всего, относится уже к позднему неолиту и в некой мере даже энеолиту, что, конечно, не отрицает его предлагаемой абсолютной датировки III тыс. до н.э., на основании сходства его материалов с материалами белькачинских памятников Якутии и отчасти хорошо стратифицированных памятников соседнего чикойско-мензенского района, отнесенных Л.В.Семиной на основании рассмотрения керамики к эпохе ранней бронзы (см. ниже)¹⁵. Об этом свидетельствуют, в частности, уже совершенно иные стратиграфические условия залегания его культурных остатков в подпочвенном слое темной гумусированной супеси, отмеченной на таких опорных памятниках, как поселения Саньинский Мыс, Посольская и Нижнеберезовская¹⁶. Правда, что касается последнего памятника, то, в противоположность Г.П.Сосновскому, относившему его в целом к энеолиту, последующими раскопками экспедиции А.П.Окладникова был установлен двуслойный характер Нижнеберезовской стоянки, причем верхний слой, сменяющий здесь слой с неолитическими по характеру материалами, уже содержал металлургические изделия (обломки ножей, полшарные бляхи), близкие к карасукским. К сожалению, более точная характеристика выделенных двух слоев Нижнеберезовской стоянки А.П.Окладниковым не была дана.

В пользу поздненеолитического времени нижнеберезовского этапа свидетельствует и неправомерность, как выясняется сейчас, выделения Л.Г.Ивашиной последующего поздненеолитического бухусанского этапа. Прежде всего, в отличие от предшествующих этапов он фактически выделен по материалам погребений, а не поселений, причем одним из основных опорных памятников для его выделения являются ранние погребения Фофановского могильника, о которых уже говорилось выше и которые, судя по радиоуглеродным датам, датируются ранне-неолитическим временем.

Не имеется сколько-нибудь надежных оснований и для отнесения в целом к поздненеолитическому времени исследованных А.Г.Ивашиной погребений с инвентарем неолитического типа могильника Бухусан, ведь, судя по имеющимся радиоуглеродным анализам, полученные для них абсолютные даты имеют широкий хронологический разброс от ранненеолитического китойского времени (V тыс. до н.э.) до средневековья (по меньшей мере конца I — начала II тыс. н.э.), по некалиброванным датам¹⁷. Справедливости ради следует сказать, что отнесение некоторых погребений с неолитическим инвентарем, фактически не отличающимся ни по общему характеру материала, ни по погребальному обряду (неглубокие захоронения до 0,5 м глубины под грабитами кладками в скорченном на правом боку положении и северо-восточной ориентировкой с наличием в некоторых случаях охры) от других к средневековью и даже к эпохе плиточных могил I тыс. до н.э., не может быть принято и представляется явно ошибочным, ведь вместе с этими могилами здесь ясно выделяется и группа могил раннего железного века, в том числе в одном случае перекрывающие неолитические (могила 18). В пользу ограниченного, в основном, неолитического периода времени указанных погребений свидетельствуют и наблюдения над расположением могил Бухусанского могильника: здесь установлено наличие горизонтальной стратиграфии — наиболее ранние могилы неолитического типа начали сооружаться с юго-запада на северо-восток по краю холма, а с юго-восточной стороны к ним пристраивались могилы бронзового и раннего железного веков¹⁸. Исходя из имеющихся данных, представляется, что данные могилы могут быть все же датированы в значительном хронологическом диапазоне, но в пределах неолита и энеолита. Аналогии изделиям, встреченным в них, можно найти, начиная с ранненеолитических китойских прибайкальских погребений (например, хорошо известные в

них костяные и роговые наконечники гарпунов, изделия и украшения из клыков кабана и марала, известковые (морские?) кольца), вплоть до энеолитических глазковых (стерженьки костяных рыболовных крючков боченкообразных, округлых в поперечном сечении с нарезками на концах для крепления лесы крючков, такие же как, в частности, обнаруженные в инвентаре одного из глазковых погребений в пали Глубокой, на Ангаре)¹⁹.

Что же касается отнесения Л.Г.Ивашиной к поздненеолитическому бухусанскому этапу более 15 стоянок, зарегистрированных в районе Еравнинских озер, то следует отметить, что материал этих стоянок с часто разрушенным и неустановленным культурным слоем подъемный и явно разновременный. В частности, на некоторых из них отмечаются находки фрагментов триподов и таких бронзовых изделий, как наконечники стрел, но вместе с тем и таких еще ранних изделий мезолитического облика, как нуклеусы гобийского типа. Разумеется часть материалов этих стоянок может относиться и к финальному неолиту и сменяющему его энеолиту, в особенности это касается значительной части фрагментов керамических сосудов, имеющих богатую орнаментацию, представленную различными вариациями, главным образом, в виде отгисков гребенчатых штампов, штампа-лопаточки и др. Но поиски аналогий в материалах третьего культурного слоя якутской стоянки Белькачи I таким материалом, как призматические нуклеусы, двустороннеретушированные наконечники стрел, скребки овальных и подтреугольных форм вряд ли правомерны²⁰. Ведь хронологический диапазон этих предметов явно значительно более широк, чем поздний неолит. Таким образом, опорных памятников для выделения поздненеолитического бухусанского этапа фактически не остается, им, видимо, являлся уже вышеописанный нижнеберезовский этап.

А непосредственно сменяет последний уже в полной мере могущий быть названным энеолитическим фофановский этап. Это тем более оправдано, что отнесенная к нему единственная стоянка Харга I, на которой, кстати, было найдено бронзовое изделие — пронизка, свернутая из пластины, обнаруживает и значительное сходство, особенно в керамическом инвентаре (различные виды орнаментации, образованные оттисками штампа-лопаточки, гребенчатого штампа, с выделенными утолщениями в области венчика сосудов) и в стратиграфическом положении культурных остатков, располагающихся в подерновом слое темной гумусированной супеси с памятниками нижнеберезовского этапа²¹.

Не приходится говорить о принадлежности к энеолиту основных погребений известного Фофановского могильника, о чем уже упоминалось выше. Однако вряд ли было правомерным отнесение Л.Г.Ивашиной к нему погребения № 8 могильника Бухусан, содержащего в своем инвентаре бронзовый двулезвийный серповидный нож явно устьмильского типа с желобком на его клинке. Последний признак характерен уже для местных ножей карасукского типа, к тому же само это погребение имеет и хорошо подтверждающую это радиоуглеродную дату ГИН 2940±100 л.н., т.е., переводя ее в некалиброванную дату — рубеж — самое начало I тыс. до н.э.²² К тому же данное погребение значительно отличается по погребальному обряду от вышеупомянутых неолитических погребений этого же могильника, в том числе погребения № 11, со стерженьками костяных рыболовных крючков явно глазковского типа и, следовательно, относящегося к энеолиту. Здесь погребенный лежал в вытянутом положении на спине и был ориентирован на юго-восток, в отличие от скорченного положения указанных захоронений с северо-восточной ориентировкой.

Таким образом, в настоящее время представляется правомочным выделить на территории забайкальских лесостепных районов Бурятии три последовательных этапа изучаемого времени: мухинский раннеэнеолитический, синхронный, в основном, китойско-исаковским памятникам Прибайкалья, нижнеберезовский позднеэнеолитический, синхронный, в основном, серовским, и фофановский энеолитический, синхронный, в свою очередь, в основном, глазковским прибайкальским памятникам.

С середины 70-х и в 80-е годы значительные успехи в области изучения неолитических и энеолитических памятников были достигнуты читинскими археологами в Юго-Западном Забайкалье, в области рек Чикоя и Мензы — Чикойско-Мензинской горно-таежной провинции. Были опубликованы значительные материалы в целом ряде изданий тезисного порядка, но нашедшие более основательное и обобщенное выражение в двух работах М.В.Константинова и Л.В.Семиной, причем последняя²³. Значительное место в памятникам изучаемого времени²³. Значительное место в этих работах было уделено вопросам периодизации, базирующейся, в основном, на таких опорных памятниках, как многослойные поселения Студеное, Усть-Менза 1, 2, и Алтан, культурные горизонты неолита и ранней бронзы которых были связаны с отложениями I-й и II-й надпойменных террас. Следует отметить, что взгляды отмеченных исследователей в течение непродолжительного времени на вопросы данной периодизации, в связи с проводившимися интенсивными исследованиями, значительно менялись и поэтому следует остановиться на результатах заключительной по времени периодизации Л.В.Семиной, с которой, судя по всему, по итогам последних исследований на поселении Студеное, согласился и М.В.Константинов²⁴.

Ею были выделены 3 последовательных неолитических этапа (ранний, средний и поздний) и два этапа эпохи

бронзы (ранний и поздний) с краткой характеристикой их материальной культуры.

Ранний неолит. Каменную индустрию этапа характеризует достаточно развитая техника микропнуклеуса. Нуклеусы (0,84%) отмечены рядом специфических черт: большинство экземпляров имеет широкие пропорции (1:1), скошенные или вогнутые площадки. Основная масса нуклеусов является торцовыми клиновидными, единичны торцовые двугранные и подпризматические экземпляры. Продукты расщепления нуклеусов представлены микропластинками и отщепами. Микропластинки (30,2%) в основном оставались без обработки, лишь немногие имеют намеренную ретушовку (26,4%). Отдельные микропластинки употреблялись в качестве скобелей (2,2%), односторонних боковых и угловых резцов (4,6%). Наиболее типичны трансверсальные резцы на пластинках. Отщепы служили исходным материалом для изготовления скребков — концевых (17,2%) и округлых (4,6%). Продолжается употребление крупных пластин (4,6%) и остроконечников удлиненно-треугольной формы (1,2%) с экономной краевой обработкой. Плоские плитки сланца переоформлялись в овальные скребла (1,2%) и удлиненно-овальные тесла (4,6%). Речные гальки шли на изготовление чопперов (3,4%), а также использовались в качестве отжимников (1,15%), ретушеров (1,15%) и наковаленок (2,3%). Набор костяных поделок состоит из обломков вкладышевых основ, заколки из метакарпalia косули, подвески из зуба марала.

Ранняя керамика представлена немногочисленными разрозненными фрагментами низкого качества, как исходного теста, так и обжига. Сосуды простой формы — полуяйцевидные с острым дном, выполнены способом выколачивания. Венчики прямые гладкосрезанные, орнамент прост — несквозные вдавления вдоль венчика, нечеткий штамп. От-

мечен прием украшения сосудов налепными конусами-фишками.

Средний неолит. Сохраняется традиция изготовления крупных ретушированных пластин (14,9%), остроконечников (4,4%), трансверсальных резцов (12,8%), скребков выской формы (38,2%) — концевых, концевых-боковых и округлых. Архаичный облик имеет бифасиально оформленный нож. По-прежнему невелик процент орудий на микропластинках, среди них микропластины с краевой ретушью (6,4%) и боковые резцы (2,1%). Вместе с тем, происходят немаловажные изменения в облике нуклеусов: высота в 1,5 и более раза превышает ширину, ударные площадки менее скошены и вогнуты. Группа крупных орудий состоит из чопперов (14,9%), отжимников (1,05%), ретушеров (1,05%).

Наиболее отчетливо временные изменения отразились в керамике. Совершенствуется качество обжига, стенки сосудов становятся более прочными. Изменяется состав теста, в качестве отщепителей все чаще используется мелкозернистый песок. Формовка ведется прежним способом, однако нити, наматываемые на колотушку, теперь более тонкие. Начинает применяться легкое заглаживание наружной поверхности. Форма сосудов прежняя — полуяйцевидная, без профилировки, с острым или округлым дном. Несколько усложняются венчики. Это происходит за счет небольших напылов-карнизиков или рассечения их по верхнему срезу лопаточкой. Зона венчика украшается несквозными овальными вдавлениями.

Поздний неолит. Каменный инвентарь этапа существенно отличается от ранне- и средне-неолитического. Выходят из употребления архаичные типы орудий — трансверсальные резцы, крупные изделия на пластинах, бифасиальные ножи. Отсутствуют нуклеусы широких пропорций. Они окончательно уступили место многочисленным миниатюрным экземплярам (1,2%). При этом отмечается тенденция к

значительному увеличению высоты нуклеусов (1:4, 1:5), спрямлению ударных площадок. Типологически нуклеусы позднего неолита более разнообразны: торцовые, торцовые клиновидные, торцовые двуплощадочные, конические, уплощенно-конические, подпризматические. Развитие и совершенствование типологии нуклеусов привело к существенному увеличению числа микропластин (38,2%) и орудий из них (79,7%), появлению новых пластинчатых типов изделий. Выразительна серия микропластин с красной обработкой (58,2%). Они использовались в качестве вкладных лезвий, пилок, скобелей, скребков. Аналогичные функции выполняли и микропластинки без обработки. Появляются пластинчатые проколки, в том числе двулезвийные, оформленные в «даурской» манере (10,8%), трехгранные проколки (0,4%). Микропластинки служили основой для угловых и боковых резцов, резчиков (7,0%). Отщепы пероформлялись в скребки (9,0%), типологически они довольно разнообразны — от экземпляров концевого типа до скребков с дугой рабочего лезвия почти в 360°. Начинают употребляться двустороннеобработанные подтреугольные наконечники стрел с прямым или слегка выемчатым насадом (0,8%). Отщепы употреблялись как резчики, строгальные ножи и скобели для работы по дереву и кости, долота. Увеличивается доля скребел (2,4%), присутствуют рубящие орудия типа чопперов (3,7%). Единичны грузило, топор, пест. Набор костяных изделий составляют обломки двух цельнорезных рыболовных крючков, шила и иглы, рукоятка.

В керамическом производстве отмечается тенденция к дальнейшему улучшению качества теста и прочности обжига. Сосуды изготавливаются прежним способом. В отдельных случаях в качестве форм-емкостей использовались, вероятно, полотняные мешочки. Проявляется стремление к выделению у сосудов шейки, усложнению форм венчиков. Они приобретают небольшие карнизники, утолщаются и

слегка отгибаются наружу. Более сложным и разнообразным становится орнамент. Он создается преимущественно гребенчатым штампом. Оттиски штампа образуют горизонтальные или наклонные ряды, разделенные неорнаментированными полосами. Вдоль кромки сосудов — сквозные отверстия. Иногда орнамент переносится на внутренний борт сосуда.

Ранняя бронза. В это время появляются металлические изделия и предметы бронзолитейного производства: обломки двух пластинчатых ножей, два пластинчатых наконечника стрел, четырехгранное шило, полушарно-выпуклая пуговина, кусочки окислившейся руды, капельки бронзы, обломки литейной формы для отливки шильев, абразивные инструменты. Очевидно, металл лишь в незначительной степени потеснил камень. Вполне возможно употребление металлических стержней в качестве посредников и регулеров, что способствовало дальнейшему развитию приемов первичной и вторичной обработки камня. Для нуклеусов этапы (2,6%) характерны рациональные, но вместе с тем и продуктивные формы — торцовые, торцовые клиновидные, призматические, конические. Значительна серия аморфных желвачков, служивших для снятия отщепов. Появляются нуклеусы-резцы. Правильные микропластинки составляют основную процент продуктов расщепления (39,2%). Часть микропластин превращена во вкладыши (40,0%), пилки (0,3%), проколки-острия «даурского» типа (3,8%), наконечники с боковой выемкой (1,2%), угловые и боковые резцы (6,4%). Присутствуют трехгранные провертки и сверла (0,9%). Не уступают им по количеству и качеству оформления орудия на отщепах — концевые, двуконцевые, концевые-боковые, округлые скребки (22,9%), овальные скребла (3,5%), двустороннеобработанные вкладыши (0,25%), скобели (1,2%), долота (0,6%), ножи-бифасы (0,25%), трехгранные наконечники стрел с прямым, выемчатым или вы-

пуклым основанием (5,0%). Используются рубящие орудия (3,0%), тесла (0,3%), топоры с боковыми выемками (0,6%), песты (0,3%), отжимники и ретушеры (0,2%). Костяные изделия представлены предметами охотничьего вооружения (заготовка наконечника дротика), инструментами для плетения или вязания (челнок, «заколка»), украшениями (зубы марала, подвеска).

Значительно больше становится керамических изделий. Улучшаются их технические характеристики, в том числе обжиг. Способ изготовления сосудов остается прежним, но нередко теперь на плоскость колотушки нарезается рельефная сетка из ромбов или прямоугольников. Появляется стремление к заглаживанию и легкому лощению внешней поверхности сосудов. Больше внимания уделяется художественному оформлению сосудов, что достигалось расширением видов штампов (прямой, гребенчатый, овальный, округлый, серповидный, раздвоенный, угольчатый и др.), усложнением орнаментальной композиции. Практикуется украшение значительной части поверхности сосудов с помощью нескольких видов штампа, чередование орнаментированных и свободных зон, перенесение орнамента на внутреннюю поверхность. Все более усложняются венчики за счет карнизиков, налепов. Наряду с прежними формами сосудов, входит в употребление принципиально новая — плоскодонная. Появляются также плоские керамические плитки. Замечено, что поверхность отдельных керамических изделий покрывалась красной охрой.

Следует отметить, что в этап ранней бронзы Л.В.Семиной были фактически включены не только раннебронзовые или энеолитические памятники, но также и памятники средней бронзы, ввиду трудности их разграничения особенно по археологическим, но в известной мере и геологическим данным. На некоторую возможность их разграничения, в частности, указал И.И.Кириллов, отнеся слой Ib по-

селения Студеное уже к синхронному карасукскому времени (XII-VIII вв. до н.э.), на основании его стратиграфического положения — связи с верхней частью подпочвенных супесей, выше которых располагались уже слои раннего железного века, связанные с основанием почвенного слоя²⁵. Поэтому последующий период поздней бронзы, отмеченный Л.В.Семиной, как период упадка каменного инструментария, проявляющегося в некоторой небрежности изготовления и сокращения его количества, распространения крупных и массивных сосудов, украшенных вдавлением прямой лопаточки, желобками, прочерченными линиями, налетными шишечками и валиками, а также появлением триподов, фактически относится уже в действительности к раннему железному веку — времени синхронному тагарскому. На это указывают и приводимые ею радиоуглеродные даты отдельных памятников, отнесенных к нему: горизонт 2 Алтана 2360±40 л.н. (JE-2400) и горизонт 1а Студеного 2635±75 л.н. (СОАН-1646) и 2240±40 л.н. (JE-1845)²⁶.

В целом, что важно отметить, предложенная М.В.Константиновым и Л.В.Семиной периодизация обосновывается, в основном и данными геологических исследований на раскопанных ими памятниках, в отдельных случаях подкрепляемая и радиоуглеродными датами²⁷. Были установлены закономерности расположения древних поселений и позиции залегания культурных горизонтов в толщах очень сложных по строению террас, в том числе поребенных. Горизонты неолита ныне полностью увязываются с отложениями высокой поймы, а горизонты ранней бронзы с отложениями средней поймы и кровлей делювиальных отложений I-III террас. Зафиксирован факт одновременности формирования подпочвенной каштановой супеси и аллювия средней поймы. Остатки культуры поздней бронзы (т.е. раннего железа — прим. мое) выявляются только в верхнем почвенном слое.

на. Он включает в себя первые культурные горизонты большинства поселений. На Алтани в это время происходило накопление отложений низкой поймы, с заключенными в них культурными горизонтами 1-3.

Выделение неолитических горизонтов, вполне понятно, производилось прежде всего по наличию в них керамики. Исходя из этого, горизонты 3-6 Усть-Мензы I, горизонты 9-15 Алтана и 2-9 Студеного определены как неолитические. Они приурочены к гумусированным прослойкам высокой поймы. К раннему этапу отнесены горизонты 7-8 Усть-Мензы I и 8-9 Студеного. Они располагаются в нижней половине разреза высокой поймы и должны датироваться не позднее середины атлантического периода, т.е. 6,5 тыс. л.н. Среднеолитический этап нашел отражение в материалах горизонта 6 Усть-Мензы I и горизонтов 6-7 Студеного, приходящихся на наиболее утолщенные палеопочвы высокой поймы, что свидетельствует о наступлении максимума оптимума. Этап датирован в пределах 5,5-4,5 тыс. л.н.

Поздний неолит характеризуют горизонты 3-5 Усть-Мензы I, 9-15 Алтана и 2-5 Студеного. Горизонты позднего неолита связаны с завершением оптимума и началом суббореального периода, что позволяет датировать конец неолита временем около 4 тыс. л.н. Для уточнения этого рубежа возможно использовать результаты радиоуглеродного датирования углей из горизонта 2 Егоркиной пещеры, относящегося по типологии материала к финалу позднего неолита — 3760±40 л.н. (JIE-2064). Культурные горизонты бронзы выделяются по наличию в них металлических изделий, инструментов, связанных с их изготовлением и заточкой, литейных форм и т.д. Удалось расчленить бронзу на два этапа. Раннюю бронзу представляют горизонты 2 и 2б-2д Усть-Мензы I, горизонты 2 Усть-Мензы 2, 3, горизонты 4-8 Алтана и горизонт 16 Студеного. Они связаны с подпереной каштановой супесью или темными прослойками сред-

Краткая геологическая характеристика культурных горизонтов поселений такова. Как уже говорилось, они связаны с отложениями I-ой (Усть-Менза I, Алтан, Студеное) и II-ой (Усть-Менза 2, 3) надпойменных террас. При этом нижняя пачка отложений в разрезах Усть-Мензы I, Алтана и Студеного представляет собой аллювиальные образования I-ой террасы, сформировавшиеся в интервале 13-10 тыс. л.н., включающие в себя культурные горизонты палеолита и мезолита. Аллювий I-ой террасы перекрывают отложения высокой поймы в виде серии темных обогащенных гумусом прослоек. Их формирование совпадает преимущественно с атлантическим (8,0-4,5 тыс. л.н.) периодом голоцена. Переход от атлантического к суббореальному периоду на разрезах памятников отмечен уменьшением толщины черных прослоек, серий мерзлотных трещин и клиньев, развившихся, вероятно, в период раннесуббореального похолодания. Следующий этап осадконакопления представлен образованиями средней поймы, перекрывающими отложения высокой поймы. Данная ситуация наиболее полно отражена в разрезах Усть-Мензы I и Алтана. Отложения средней поймы образуют мощный слой черной супеси, в толще которого прослеживаются отдельные гумусированные прослой (палеопочвы), дающие археологический материал. На поселении Усть-Менза I им соответствуют культурные горизонты 2а — 2д, на Алтани — горизонты 4-8. Их образование можно связывать с основной частью суббореального периода. При этом на Усть-Мензе I, как уже говорилось, установлен факт замещения темных прослоек средней поймы каштановой супесью, что наблюдается в тыловой части террасы. Данное обстоятельство позволяет говорить об одновременности формирования слоя каштановой супеси и отложений средней поймы. Венчает разрезы памятников современный почвенный горизонт, сформировавшийся в конце суббореального — субатлантического периодов голоце-

ней поймы, сформировавшимися, в основном, в суббореальный период. Конечная дата этого этапа исчисляется по Алтану, где горизонт 4 относится ко времени 2770 ± 40 л.н. (ЛП-2401). Поздняя бронза, как уже указывалось, характеризуется материалами из почвенных горизонтов. Этот этап приходится на конец суббореального — начало атлантического периода.

Таким образом, данная периодизация, с учетом указанных замечаний, в настоящее время представляется вполне обоснованной. При этом следует отметить, что выделение трех последовательных этапов неолита подкрепляется и таким фактом, как использование на раннем его этапе, так же как и на ранненеолитической Мухинской стоянке, характерной для более ранних периодов каменного века черной кремнистой породы камня (см. выше) и ее постепенное вытеснение более пластичной яшмой и халцедоном в среднем неолите и окончательное в позднем²⁸. Вместе с тем, как нам представляется, жестко связывать исследованные поселения неолита только с наличием на них керамических материалов вряд ли правомерно, судя, в частности, по материалам приграничной с чикойско-мензенскими памятниками Восточной Монголии, где наличие бескерамических неолитических стоянок хорошо зарегистрировано исследователями²⁹. Правда, отделить мезолит от раннего неолита в рассматриваемом районе вследствие почти полной идентичности их каменной индустрии вряд ли возможно³⁰.

В течение многих лет с конца 60-х годов, памятники Восточного Забайкалья каменного века, в том числе и неолитические, находились в центре внимания И.И.Кириллова³¹. Взгляды его за это время на вопросы их периодизации значительно изменились и к настоящему времени, с учетом новых проводившихся исследований, представляются в следующем виде. В пределах неолита и ранней бронзы им выделено 4 последовательных хронологических этапа,

причем, что следует заметить, в характеристику рассматриваемых памятников включаются не только собственно восточнозabayкальские памятники верховьев Амура (рек Ингоды, Онона и Шилки), но изредка и ближайшие к ним выше рассмотренные западнозabayкальские, такие как Студеное (Нижний Нарым I). Впрочем, последние, ввиду их единичности, вряд ли могут сколь-нибудь существенно изменить общую местную характеристику восточнозabayкальских памятников.

Наиболее ранний неолитический этап Восточного Забайкалья чиндантский И.И.Кириллов связывает с появлением керамики, еще сравнительно малочисленной, характеризующейся сосудами простой полувойцевидной формы, с невыраженным венчиком и приостренным дном, изготовленными методом «выколачивания» с помощью колотушки, обмотанной травой или перевитыми нитями. Наиболее распространенным орнаментом является поясok из округлых вдавлений под верхней кромкой венчика с внешней стороны. Значительно реже использовались: узкозубчатые, клиновидные и узкие прямые штампы, которыми оставляли ряды желобков, прочерченных лопаточкой или с отпечатками внутри. Орнаментальная зона сосудов охватывала лишь верхнюю часть их под кромкой венчика.

Каменный инвентарь многочисленный и разнообразный. Он сохраняет одну из характерных черт палеолита — сочетание в едином комплексе мелкого инвентаря с более крупным «галечным». При этом основу его типологии составляют торцовые нуклеусы. Типично неолитической тенденцией является соотношение ширины и высоты их 2:1, 3:1, но в пользу высоты ядрища. Такие нуклеусы постепенно вытесняют широкие клинья. Производными торцовых нуклеусов являются: конические, трехгранные, в виде призмы с преимущественно однофронтальным снятием пластин. Другие типы ядрищ немногочисленны: цилиндри-

ческие двуплощадочные, подпризматические. Единичны торцовые нуклеусы в гобийском варианте. Следует отметить, что обилие ядрищ в памятниках раннего неолита свидетельствует о расцвете пластинчатой индустрии. При данной технике микропластина является основным видом заготовок. Поэтому вкладки лезвия с краевой ретушью превосходят все остальные изделия. Ретуширование пластин с брышка зарождается в конце палеолита — мезолите, а в раннем неолите становится преобладающим техническим приемом. Разнообразен ассортимент орудий из пластин: скребки, скребки-проколки, наконечники стрел в нескольких вариантах, проколовидные инструменты. Они выполнены в рациональной технической манере — «даурской» технике. Из крупных изделий повсеместно в Забайкалье, как и в палеолите, представлены гальки, оформленные в виде чоперов, сибирских скребел. Таким образом, в инструментарии раннего неолита, наряду с сохранением палеолитических технических приемов, некоторых типов орудий, происходит существенная перемена, выразившаяся в дальнейшем развитии техники пластинчатых нуклеусов, исчезновении некоторых типов орудий более раннего времени (ост-роконечников и острий, обушковых ножей, трансверсальных резцов), в появлении новых типов. К последним относятся разнообразные микропластинчатые острия, двустороннеретушированные наконечники стрел, тесловидные орудия из галек, получившие название «громатухинских».

Данная характеристика инвентаря чиндантского этапа, прежде всего, основывается на материалах поселений, в том числе и многослойных Чиндант, Мардуй (р. Онон), Нижний Нарым, слой 8-9 (р. Чикой), Горка, Антипиха, Дворцы, слой 3 (р. Ингода).

Стратиграфически же ранненеолитические поселения связаны с верхней частью аллювия первой террасы, либо с основанием покровных отложений более высоких террас и

склонов, непосредственно перекрывающих плейстоценовые отложения. Во всех случаях материал залегал в гумусированных слоях типа погребенной почвы³².

Подтверждением довольно раннего времени рассматриваемых ранненеолитических поселений являются образцы почвы, взятые для споро-пыльцевого анализа и фаунистические данные с основного памятника, по которому был и назван этап — поселение Чиндант. Палинологический анализ показал, что преобладающий тип растительности был степной с небольшой примесью до 2% древесных пород, т.е. указывал на полынно-маревые степи. Это свидетельствует о том, что местное население продолжало жить еще в условиях, близких к условиям позднего палеолита. Не произошло еще существенных перемен и в фауне, по выводам палеонтологов, на поселении были зарегистрированы кости степной косули, дикой лошади, дзерена, зубра, северного оленя, сайги и особенно кулана, которому принадлежало около 35% всех костей³³.

Имеются для рассматриваемого этапа и некоторые радиоуглеродные даты, взятые по углю из нижнего 3-его культурного слоя поселения Дворцы: 6090 ± 200 л.н. (СОАН-1296), 5700 ± 50 л.н. (СОАН-1297), 6000 ± 65 л.н. (СОАН-1298). Однако следует отметить, что материал Чинданта по сравнению с Дворцами выделяется наличием в инструментарии изделий более ранних форм: срединные и боковые резцы, гобийские нуклеусы и вообще более разнообразный ассортимент пластинчатых изделий, так что само это поселение может быть значительно более ранним. Поэтому углубление начальной датировки чиндантского этапа И.И.Кирилловым в V тыс. до н.э., во всяком случае, выглядит вполне обоснованным³⁴.

Опорными памятниками последующего будаланского этапа являются: Арын-Жалга (р. Онон), Дарасун, Доронинская 3 (р. Ингода), Нижний Нарым, слой 7-3 (р. Чикой).

Представление о расцвете неолитической культуры на этом этапе дает прежде всего керамика. Наряду с простейшими формами сосудов, были найдены горшки коротких и широких пропорций с округлым днищем, более высокие сосуды, напоминающие «митровидные». Для их изготовления использовались уже оба способа: с помощью форм и форм-емкостей. Главным отличительным признаком орнаментации является полное господство штампов: скобовидный, полукруглый, 3-образный, прямая лопаточка, клиновидный, подквадратный, узкогребенчатый. Наряду с обычным орнаментальным поясом в верхней части сосудов, впервые встречаются сосуды, орнаментированные по всей поверхности. Использовалось сочетание горизонтальных и наклонных рядов, образующих нарядный декор. Появляется зональный орнамент.

В каменном инвентаре изменения не столь контрастны, но также имеют место. В этот период происходит дальнейшее развитие неолитической тенденции в изменении процентного соотношения различных типов нуклеусов, например, наибольший процент падает на однофронтальные ядрища призматических и конических очертаний, зато не многочисленны торцовые клиновидные. Широко представлены конические и нуклевидные гальки. Несмотря на увеличение удельного веса пластинчатых орудий в памятниках, по сравнению с предшествующим временем, ассортимент их несколько сокращается: исчезают резцы срединные и боковые, скребки-проколки, наконечники стрел с боковой емкостью у насада (хиньские). Значительно чаще стали использоваться шлифованные изделия: тесла, топоры, но наряду с ними продолжают регистрироваться и галечные орудия, такие как тесла гоматухинского типа, чоперовидные орудия, крупные скребла, выполненные техникой оббивки.

В памятниках будаланского этапа широко представлены на сериях орудий особые рода. Это разнообразие песты,

лощила, куранты из продолговатых галек, прямоугольные и округлые в плане плитки с «проковкой» поверхности, округлые диски с биконическим отверстием в центре, каменные и костяные мотыги. Представлены и другие костяные изделия, такие, как иглы и шилья, проколки, подвески из клыков животных, наконечники стрел, фрагменты обкладки лука.

К сожалению, И.И.Кириллов в своих работах не сформулировал данные о стратиграфических условиях залегания отмеченных поселений. Однако указанные им сведения о залегании культурного слоя основного памятника рассматриваемого этапа поселения Арын-Жалга в основании покровных отложений, представляющих собой сильно опесчаненные лесовидные суглинки, находящиеся поверх пойменных отложений, представленных среднеречными песками, указывает, видимо, на его сравнительно ранний возраст. Но в особенности об их возрасте свидетельствует другое указанное им поселение, слои 7-3 Нижнего Нарыма I или Студеного, на Чикое, которое, как уже говорилось выше, принадлежит к числу памятников, залегающих в наибольшем утолщенных палеопочвах высокой поймы, сформировавшихся в период максимума климатического оптимума и датированных 5,5 — 4,5 тыс. л. н. Такая датировка, судя по всему, подтверждается и данными споро-пыльцевого анализа поселения Арын-Жалга. Хотя в общем составе господствует (58,1 — 59,1%) пыльца травянистых растений, свидетельствующая о господстве степей с преобладанием поlynно-лебедовых трав, все же о большом распространении лесных массивов говорит и значительная доля пыльцы древесных пород (36,0-39,6%), с преобладанием сосны, березы и споровых (5,9-6,0%), представленных зелеными мхами³⁵. А это стало возможным в условиях значительного увеличения тепла и влажности, характерного для атлантического периода, заканчивающегося в первой половине III тыс. до

н.э., ведь данные о споро-пыльцевом анализе с последующих за будаланским этапом памятников (60-65% пыльца травянистых растений и только 25-30% древесных) свидетельствует уже о начавшемся процессе аридизации и некоторого похолодания³⁶.

К числу таких опорных позднелепестчатых памятников амогалонского этапа И.И.Кириллов относит поселения Амогалон, слой 9 (р. Онон), Громатуха, Александровка (р. Ингода), Черемушки (р. Хилок) и Молодовск, слой 2 (р. Шилка). При этом указывается, что стратиграфически материал стоянок приурочен к основанию верхней делювиальной по происхождению кровли речных террас, образованных за счет накопления песков и лесовых супесей³⁷. В другой работе, значительно уточняя данные, в целом, о поселениях амогалонского этапа, он указывает, что большинство их связано с нижней частью темно-серых или каштановых супесей, перекрытых сверху дерном и лишь изредка еще и слоем более темной поддерновой супеси. В тех же случаях, когда речь идет о поселениях дюнного типа, культурный слой бывает перекрыт песками значительной мощности, толща их иногда достигает нескольких метров³⁸. Из сказанного им, видимо, все же можно сделать вывод, что значительную часть стоянок, явно связанных с наносными песчаными отложениями, можно отнести к самому началу суббореального периода или, возможно, отчасти к его рубежу с атлантическим.

Инвентарь поселений амогалонского этапа, с одной стороны, отражает преемственную связь с инвентарем предшествующего этапа, а с другой, те качественные изменения, которые произошли. В первую очередь следует отметить, что техника торцового нуклеуса, устойчиво сохранявшаяся на протяжении многих тысячелетий, определившая облик каменного инвентаря, вступила в полосу упадка. Это отражается в резком сокращении торцовых нуклеусов и

сокращения их типологических вариантов в материале поселений. То же можно сказать и об изделиях из пластин. Вообще в этот период изменяется процентное соотношение заготовок для орудий (отщепов и пластин) в пользу первых. Например, исчезли из употребления ряд орудий из пластин: концевые скребки, резко сократилось число пластинчатых наконечников стрел, проколов, выполненных в «даурской» технике. Зато появились складные лезвия прямоугольной формы, миндалевидные и подтреугольные ножи, обработанные двусторонней ретушью. Самую многочисленную группу орудий из отщепов составляли разнообразные по форме микроскребки, увеличилось число проколов с клювовидным жалом, наконечников стрел. Последние известны в нескольких вариантах, вытянутые подтреугольных пропорций с глубокой угловой выемкой в основании, подтреугольные с легкой выемкой, прямым насадом, выпуклым, а также фигурные.

Отдельными экземплярами и сериями встречаются на поселениях песты, куранты, диски-утяжелители, мотыгообразные орудия. Имеются и галечные тесловидные изделия гломатухинского типа, редки скребла сибирского типа, почти совсем исчезают орудия чоперовидных форм. К крупным орудиям примыкают получившие широкое распространение овальные или округлые скребла, которые изготавливались не из галек, а из плиток сланцевых и песчаных пород.

В керамике основным временным показателем, как считает И.И.Кириллов, являются сосуды с шахматно-пашечными (вафельными) отпечатками; проникновение такого технического орнамента в Забайкалье предполагается им из соседней Якутии, ввиду его сравнительной немногочисленности и явно большей распространенности в северных сопредельных с Якутией районах³⁹. Большинство же сосудов сохраняет технический орнамент в виде следов пе-

ревитых нитей и отпечатков ткани, при этом преобладающая часть их характеризуется тонкостенностью. В целом, сосуды этого времени по сравнению с предшествующими периодами более разнообразны: полувейцевидные, кринкообразные, котловидные. При орнаментации использовались самые различные виды штампов, за исключением узкогребенчатого: прямая и изогнутая лопаточка, скобчатый, зубчатый, в виде коготков зверя. Широко практиковался зональный орнамент, чередование горизонтальных и наклонных рядов, елочный узор. Использовалось утолщение венчика, накладные рассеченные валики, выступы с наружной стороны. Последние элементы орнамента с позднего неолита получают широкое распространение. Впервые появляются сосуды со слегка залощенной поверхностью, с рядами отпечатков штампа в виде парных скобок.

И.И.Кириллов не дает абсолютной датировки рассматриваемого этапа (так же как и предшествующего будаланского), но, судя по приводимым им отдельным аналогам, синхронизирует его с китойско-глазковскими памятниками Прибайкалья (по периодизации А.П.Окладникова — прим. мое) и ымыяхтахскими памятниками Якутии, имеющими в настоящее время близкие к глазковским памятникам радиоуглеродные даты — конец III — начало второй половины II тыс. до н.э.⁴⁰ Впрочем, учитывая нижеследующее, речь может идти только о первой половине этого времени, поскольку для второй половины им выделяется уже новый этап, синхронный по времени ранней бронзе — глазковской эпохе, по периодизации А.П.Окладникова, т.е. XVIII-XIII вв. до н.э.⁴¹

К числу основных памятников этого нового этапа им отнесены поселения Дворцы, слой 2, Жигуржинка, слой 2 (р. Ингода); Молодовск, слой 1, Ишахан (р. Шилка); Кункур I (р. Онон) и, возможно, отдельные другие, не указанные почему-то в его последней работе о стоянке Дворцы⁴².

Однако, знакомясь с характеристикой инвентаря данного этапа, нетрудно заметить, что он, в основном, не отличается от вышерассмотренного инвентаря поселений амагалоного этапа, за исключением разве что уже наличия на поселениях следов металлообработки и самого металла. Но ведь совершенно ясно, что не на всех памятниках, в особенности относящихся к неолиту (ранней бронзы) могли остаться следы еще высокоценного металла.

Что же касается каменного инвентаря, то к нему во многом фактически применима характеристика амагалоного этапа, характеризующая кризисом техники торцового пуклеуса и пластинчатой индустрии и увеличением удельного веса орудий, сделанных из отщепов, а также самих отщепов и колотых галечек. Из отщепов изготовлялись концевые скребки, ножи подтреугольной и миндалевидной формы, скребки-проколки, двусторонне ретушированные наконечники стрел с выемкой в основании, с прямой базой, с выпуклым основанием и фигурные. Изредка встречаются проколки, скребки-проколки с клювовидным жалыцем, отщепы с выемками, резцы. Продолжают встречаться в коллекциях оббитые по краю тесла из гальки, скребла дисковидной формы, а также отбойники. Регистрируются также грузила, стерженьки составных рыболовных крючков, песты, мотыги.

Ксрамика же представлена двумя видами. Абсолютно преобладают сосуды первого вида в большинстве тонкостенные, также близкие к поздненеолитическим. Встречаются и сосуды с отпечатками материи, с шахматно-шашечными отпечатками. Все "сосуды этого типа круглодонны. Верхняя часть их украшена с помощью утолщения венчика, карнизом нависающего над туловом, острореберного утолщения привенечной части, накладных валиков, елочного узора. Внешняя поверхность ряда сосудов до дна покрыта отпечатками различных штампов. Широко практикова-

лись зональный орнамент, геометрические узоры. Для нанесения орнамента, как и в позднем неолите, использовались фигурный, скобовидный, когтевидный, гребенчатый штампы, зубчатое колесико. Сосуды второго типа толстостенные имеют более сложную профилировку с выгнутым наружу округлым сверху венчиком и плоским дном. Внешняя сторона их залощена. Украсились они одним или несколькими накладными валиками, рассеченными различными штампами, пояском жемчужин или округлых вдавлений с внешней стороны.

Типологические аналогии некоторым важным материалам выделенного им этапа ранней бронзы И.И.Кириллов совершенно справедливо видит в глазковских приборкальских памятниках: в наличии таких изделий, как медные рыболовные крючки, каменный боченковидный стержень составного крючка, проколки-шпица ромбические в поперечном сечении, некоторые виды наконечников стрел (в частности, появившиеся фигурные), подтреугольные и миндалевидные в плане двусторонне ретушированные ножи, а также керамика первого типа. Сюда можно добавить и дисковидные плитчатые (из сланца и песчаника) скребла, получившие широкое распространение именно в глазковское время. Что же касается керамики второго типа, то она действительно может, в основном, как полагает И.И.Кириллов, являться временным индикатором эпохи бронзы, причем ее развиготского этапа⁴³. Однако само ее появление еще на предшествующем этапе ранней бронзы, особенно в поздних его памятниках, можно считать вполне нормальным. Ведь такие важные признаки этой керамики, как залощенность поверхностей сосудов и накладные валики, начали регистрироваться и на амогалонских памятниках.

В целом же, повторяя вышесказанное, трудно уловить какую-либо принципиальную разницу между вещественными материалами амогалонского поздненеолитического

этапа и рассматриваемым этапом ранней бронзы. Это подтверждается и стратиграфическими данными о связи стоянок ранней бронзы, так же и амогалонских, с одними и теми же слоями — нижней частью подпочвенных супесей. Веским подтверждением этого являются и имеющиеся радиокарбонные даты с некоторых выделенных И.И.Кирилловым памятников ранней бронзы, относящие их фактически ко времени второй половины III тыс. до н.э. — первой половине II тыс. до н.э. (второй слой поселения Дворцы 4540±450 л.н. (СОАН-1139) и второй слой стоянки Ишахан 3510±40 л.н. (ЛЕ-1919), т.е., вероятно, близкие к началу этапа и его концу⁴⁴.

Таким образом, с нашей точки зрения, рассмотренные памятники ранней бронзы можно объединить с амогалонскими в один этап, оставив за ним название амогалонский. То, что этот этап с самого начала являлся энеолитическим, подтверждают и находки во втором слое стоянки Дворцы медно-бронзового шлака и двух фрагментов изделий из этого металла⁴⁵.

Наконец, говоря о периодизации забайкальских памятников, следует остановиться на довольно пока еще немногочисленных исследованных памятниках долины реки Витим, связанных с северными районами Забайкалья, основная роль в изучении которых принадлежит Иркутскому археологу В.М.Ветрову. В целом для рассмотренного времени им выделены здесь две хронологические последовательные культуры, названные по опорным памятникам: усть-каренгская неолитическая и усть-юмурченская, относящаяся фактически ко времени энеолита — бронзы, включая, вероятно, и заключительный этап неолита⁴⁶.

Каменный инвентарь поселений первой из этих культур, представленный нуклеусами клиновидными, призматическими и близкими к гобийскому типу, лыжевидными сколами, трансверсальными резцами, ножами-бифасами и уни-

фасами на крупных пластинчатых сколах, сколами, теслами с односторонней обработкой, орудиями на микропластинах и т.д., на ранних этапах сохраняет черты инвентаря мезолитических комплексов юга Восточной Сибири.

Керамика же представлена сосудами параболоидной формы, поверхность которых покрыта отгисками рубчатой лопаточки. Художественный орнамент, в основном, в виде зигзагообразных прямых горизонтальных и наклонных линий и отрезков, часто выполненных в виде шагающей гребенки, наносился гребенчатым штампом. При этом отгиски такой гребенки горизонтальными рядами покрывают все тулово сосудов, часто входя составной частью в орнаментацию зоны венчиков, где также имеются украшения в виде прерывистых зигзагов, «елочки», наклонных вдавлений под венчиковым срезом как с внешней, так и с внутренней его стороны.

Каменный инвентарь же поселений второй культуры представлен нуклеусами из грубо оббитых галек и отщепов одноплоскостных монофронтальных. Есть также одноплоскостные монофронтальные со специально оформленными на контрфронте гребнями, циркумфронтальные и нуклеусы-дрилли. Имеются также призматические пластины, из которых изготовлялись скребки, резчики, резцы и острия; они также использовались в качестве вкладышей. Из отщепов же изготовлялись острия, скребки, наконечники стрел как удлиненно-треугольной формы с вогнутым основанием, так и фигурные (верхняя часть последних отделена от нижней небольшими уступами). Крупные орудия, в свою очередь, представлены грубо оббитыми по краю уплощенными гальками.

Керамика усть-юмурченской культуры, также круглодонная, по техническому декору делится на гладкостенную, вафельную, с отпечатками рубчатой лопаточки и витого шнура. Сосуды имеют либо прямые венчики, иногда с под-

треугольным утолщением с внутренней стороны, либо изогнутую шейку, плавно переходящую в тулово. Художественный орнамент, иногда полностью отсутствующий, охватывал только привенечную часть сосудов и состоял из нескольких рядов косых вдавлений и пояса сквозных отверстий, прочерченных или нанесенных отступающей лопаточкой желобков, причем границей последних украшений, разделяющих одновременно шейку и неорнаментированное тулово служили зигзагообразные или прерывистые прямые линии.

Представленное хронологическое подразделение рассматриваемых верхневитимских памятников по характеру их инвентаря вполне обосновано, ведь каменный инвентарь усть-каренгской культуры во многом характерен еще для мезолита с наличием, в частности, таких ранних изделий как нуклеусы гобийского типа и трансверсальные резцы, а в инвентаре усть-юмурченской культуры присутствуют такие изделия, как фигурные наконечники стрел и вафельная керамика, характерные для сопредельных областей — глазковских памятников Прибайкалья и ымыяхтахских Якутии.

Оно имеет и стратиграфическое обоснование, особенно хорошо зарегистрированное на большинстве памятников усть-каренгского комплекса местонахождений⁴⁷. Здесь было выделено 7 культуросодержащих горизонтов, из которых 7-3-й, отражающие развитие одной усть-каренгской культуры, были отнесены к неолиту, а уже 2-й культурный горизонт был отнесен к заключительному этапу неолита (на основании некоторого сходства его керамики с керамикой посольского типа) и отражал, судя по всему, хронологическое начало усть-юмурченской культуры, хорошо представленной в материалах 1-ого горизонта.

Относительная геохронология, имеющиеся данные радиоуглеродного анализа и споро-пыльцевого спектра этого комплекса местонахождений свидетельствует о следующем.

Большинство памятников связано с отложениями цокольной террасы (20-25 м), рыхлая толща которой представлена галечником руслового аллювия, параллельнослонистыми песками пойменной фации и пачкой делювиальных напластований, подразделяющихся на 6 горизонтов. Пойменная фация осложнена двумя генерациями криогенных нарушений в виде морозобойных клиньев. Анализы пробы, взятой под устьем нижней трещины, выявили, наряду с небольшим количеством пылцы сосны обыкновенной, лиственницы и ели, довольно много пылцы березы (кустарниковых форм), ольхи, ольховника, ивы, степного разнотравья, спор плауника сибирского и папортников, что не противоречит отнесению трещин нижней генерации к концу плейстоцена. Несколько выше по разрезу, затекая в трещину, расположена одна из прослоек песка, мощностью 1-3 см, с заключенными в нее каменными изделиями мезолитического облика и фрагментами керамических сосудов с отгисками зубчатого штампа с преобладанием «шагающей гребенки». Верхняя генерация трещин дислоцируется в кровле аллювия и разбивает нижележащие отложения вместе с культуросодержащей прослойкой. Принимая во внимание дату 6890 ± 80 л.н., полученную по средней части делювиальных образований, трещины верхней генерации можно отнести к одному из ранних голоценовых похолоданий Сибири. Значит, прослойку с заключенным в нее инвентарем следует датировать периодом от 10 до 8 тыс. л.н. Дата 6890 ± 80 л.н. (JE-1961) из заложенной с уровня погребенной почвы (горизонт 4) хозяйственной ямы соответствует климатическому оптимуму. Археологический материал, что снова важно подчеркнуть, горизонтов 3-6 аналогичен инвентарю горизонта 7. Получено шесть радиоуглеродных дат для горизонта 1, приходящихся, в основном, на период ранней бронзы 3670 ± 40 л.н. (JE-2650), 3250 ± 40 л.н. (JE-2651), 3340 ± 40 л.н. (JE-2652), 3160 ± 40 л.н. (JE-2649) и

отчасти на ранний железный век 2140 ± 40 (JE-2654) и 1890 ± 40 (JE-2653).

Таким образом, встает вопрос о более ранней начальной дате становления неолитической культуры на Верхнем Витиме, тем более, что это как будто подтверждается и радиоуглеродными датами из местонахождения Нижняя Джиглинда (Сивакон), где культурный горизонт Va имеет дату по углям 7880 ± 80 л.н. (JE-1955), а обнаруженное в нем погребение по костям человека датировано 7230 ± 40 л.н. (ГИН-405). Здесь обнаружен и типично неолитический инвентарь (шлифованные нефритовые изделия, песчаниковые пилы, вкладышевые орудия из кости и т.д.), т.е., что следует заметить, изделия, во многом характерные для китойских памятников Прибайкалья. Выше лежащие же культурные горизонты этого местонахождения дают сведения о развитии и смене культурных комплексов от неолита до железа включительно⁴⁸.

Таковы результаты рассмотрения существующих на настоящее время периодизаций неолитических и энеолитических памятников Забайкалья для разных его территорий, предложенных указанными исследователями. В ряд из них, как было показано, должны быть внесены существенные изменения и уточнения. С учетом их может быть представлена следующая синхронистическая таблица забайкальских памятников неолита и энеолита (табл.2). Судя по ней, для Западного, Юго-Западного и Восточного Забайкалья, учитывая и приведенные данные естественных наук, хорошо выделяются три-четыре последовательных этапа в пределах рассматриваемого времени и лишь для северозабайкальских районов, связанных с водной системой реки Лены (река Ви́тим), в силу имеющихся довольно ограниченных материалов пока лишь два. При этом, в целом, довольно отчетливо прослеживаются и происходящие изменения в материальной культуре, как в каменном инвентаре, так и особенно в

Климатические периоды	Возраст, годы до н.э.	Западные районы	Юго-западные районы	Восточные районы	Северные районы
Суббореальный период	1000	Фофановский этап	Бронзовый век	Амогolonский этап	Усть-юмурская культура 3670±40 — 3160±40
	1500		Поздний неолит 3760±40		
	2000	Нижне-березовский этап			
Атлантический период	2500				
	3000	Мухинский этап	Средний неолит	Будаланский этап	Усть-каренская культура 6890±80
	3500				
	4000		Ранний неолит	Чиндланский этап	6090±200 — 5700±50
	4500				
	5000				

Таблица 2.
Хронологическая таблица забайкальских памятников
(с датами по С₁₄)

Западные районы	Юго-западные районы	Восточные районы
<u>Фофановский и Нижнеберезовский этапы</u> Поддерновой слой темной гумусированной супеси	<u>Поздний неолит и эпоха бронзы</u> Темные прослойки средней поймы. Поддерновая каштановая супесь	<u>Амогolonский этап</u> Нижняя часть темно-серых или каштановых поддерновых супесей и основание верхней делювиальной по происхождению кровли речных террас, обработанных песками и лессами
<u>Мухинский этап</u> Слой серой супеси и подстилающий его желтый мелкозернистый песок	<u>Ранний и средний неолит</u> Гумусированные прослойки высокой поймы <u>Средний неолит</u> — наиболее утолщенные палеопочвы поймы. Ранний неолит — нижняя половина разреза поймы	<u>Будаланский этап</u> Основание покровных отложений (лессовидных суглинков), находящихся поверх пойменных отложений <u>Чиндланский этап</u> Верхняя часть аллювия I-ой террасы и основание покровных отложений более высоких террас

Приложение к табл. 2.
Культуросодержащие слои эпох неолита и бронзы Забайкалья

керамике, не говоря уже о появлении на поздних энеолитических этапах свидетельств металлического производства. В самом деле, если каменный инвентарь раннеэнеолитических этапов близок еще позднэнеолитическому — мезолитическому и зачастую неотличим от него, то в позднеэнеолитических и энеолитических этапах он в значительной мере качественно отличается от них. Это в целом в особенности проявляется в постепенном выходе из употребления архайских изделий (таких, как, скажем, нуклеусы гобийского типа, трансверсальные и срединные резцы) и появлении новых, при этом все чаще изготавливаемых из отщепов, а не из пластин, что является свидетельством упадка пластинчатой индустрии. Раннеэнеолитическая же керамика, в свою очередь, представлена, в целом, простыми непрофилированными круглодонными сосудами, в основном, полуяйцевидной формы со штриховыми, шнуровыми и сетчатыми техническими отгисками и довольно бедным художественным орнаментом, расположенном в области венчика. На протяжении рассматриваемого времени происходят изменения, как во все более усложняющейся форме посуды, в частности, и появлении плоского дна у некоторой ее части, так и распространении наряду со старыми новой шахматно-шашечной (вафельной) технической орнаментации и расцвете художественной орнаментации с появлением самых разнообразных видов штампа, покрывающих все большую часть сосудов, а иногда и всю их поверхность. Впрочем, что следует заметить, нечто совершенно противоположное в области художественной орнаментации наблюдается в керамике раннеэнеолитической усть-каренской и сменяющей ее позднеэнеолитической-энеолитической усть-юмурсенской культуры — здесь явно регистрируется значительное обеднение ее в последней.

Важно, что следует подчеркнуть, те же общие временные изменения в инвентаре забайкальских неолитических и

энеолитических памятников характерны и для соседних восточносибирских областей Прибайкалья и Якутии, хотя, конечно, последние вместе с тем, как и в случае с витимскими памятниками, имели свои известные местные особенности.

Как можно было видеть, периодизация неолита и энеолита Забайкалья производилась исследователями на основе поселенческих памятников, если не считать использования Л.Г.Ивашиной для выделения наиболее поздних бухусанского и фофановского этапов материалов ряда погребений. Это и понятно, ведь забайкальские погребальные памятники, по сравнению с прибайкальскими, еще все же сравнительно немногочисленны, в значительной степени были обнаружены случайно, к тому же очень часто в разрушенном состоянии и сколько-нибудь в достаточной мере четкое временное подразделение их не всегда возможно. Тем не менее такие попытки в отношении отдельных открытых могил и могильников предпринимались, не считая Л.Г.Ивашиной, также И.И.Кириловым и мною⁴⁹. Вполне понятно, что в рамках данной работы вряд ли целесообразно будет анализировать каждый конкретный погребальный памятник. Выводы исследователей, основанные на имеющихся во многом ограниченных археологических данных, далеко не всегда подтверждаются данными радиокарбонových анализов как опубликованных, так и отчасти неопубликованных, что было видно, в частности, на погребениях Фофановского и Бухусанского могильников, хотя для последнего в силу каких-то причин они могут являться и ошибочными, как говорилось выше. Тем не менее раннеэнеолитический возраст китойских фофановских захоронений, наряду с аналогичными китойскими памятниками Прибайкалья, как уже указывалось, представляется несомненным. Это как будто подтверждается и фиксацией в юго-западной части Забайкалья поселения Усть-Менза 2, в горизонте 3, сменяющем

позднепалеолитический 4-й и соответственно датируемый еще временем мезолита или может быть раннего неолита, погребения, в основном аналогичного по обряду фофановским — в грунтовой яме овальной формы, с остатками скелета и засыпкой охры, но без сопровождающего инвентаря (последнее, впрочем, регистрируется и в фофановских могилах)⁵⁰. При этом следует отметить, что на других усть-мензенских поселениях (Усть-Менза 3 и Усть-Менза 5), в слоях уже стратиграфически относящихся к эпохе ранней бронзы, обнаруживаются и другие погребения уже с верхностной каменной кладкой, т.е. наблюдаются те же изменения, что и в погребениях глазковского типа Фофановского могильника и к тому же начинают появляться и усть-мензенские могилы без засыпки красной охрой⁵¹. Обнаруженные в сопредельных северо-восточных районах Монголии, так же как и на Усть-Мензе, пока только единичные неолитические могилы по своим конструктивным особенностям и обряду (отсутствие каменных поверхностных кладок, небольшие размеры могил, рассчитанных на скорченное сидячее положение покойников, засыпка красной охрой) фактически аналогичны усть-мензенским⁵². А в то же время наблюдается и существенное отличие фофановских, усть-мензенских и монгольских от олонских, ингодинских и других более северных одновременных забайкальских погребальных памятников (если иметь в виду исследованные хорошо сохранившиеся), выражающееся в последних особенно в конструкции погребальных сооружений в виде поверхностных каменных выкладок или каменных ящиков, распространенных, судя по всему, начиная с раннего неолита (например, погребения могильника Арта на Ингоде с врезом могильных ям по границе светлых супесчаных и суглинистых отложений и присутствием ранних изделий в погребальном инвентаре, таких как резцы срединного типа)⁵³. Поэтому можно предположить, что указанные монгольские,

усть-мензенские и фофановские неолитические погребения, территориально занимающие юго-западные районы Забайкалья и северо-восточные районы Монголии, относятся к одной культуре, вполне вероятно к китойской, о чем уже говорилось выше. Ведь они, в свою очередь, непосредственно соприкасаются на западе, юге и южнее Байкала с основным районом распространения китойских прибайкальских памятников на левобережье Ангары, с которыми имеют некоторые важные черты сходства, фиксируемые в погребениях (отсутствие надмогильных кладок, наличие в могилах засыпки охрой и наличие в инвентаре хотя бы таких очень характерных для Китая изделий как мраморные кольца). К тому же как данные радиокарбонových анализов, так и стратиграфические данные, свидетельствуют об их синхронности и отнесении к одному раннеолитическому времени. Вместе с тем, конечно, между указанными памятниками — селенгинскими, фофановскими, усть-мензенскими и прибайкальскими ангарскими вполне допустимы и некоторые местные различия, такие, как, скажем, вытянутость или скорченность погребенных, наличие или отсутствие нефритовых изделий и т.д.

¹ Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М. 1981. С. 10-14.

² Там же. С. 14-16, 18-19.

³ Окладников А.П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // Труды Кяхтинского музея краеведения и Кяхтинского отдела Географического общества СССР. 1961. Т. 18. С. 32-34.

⁴ Абрамова З.А. Палеолитические находки в районе Кяхты // МИА. № 39. 1952. С. 268-270, 275.

- ⁵ *Окладников А.П.* Палеолит Забайкалья // Археологический сборник I. Улан-Удэ. 1959. С. 20-212; *Окладников А.П., Флоренсов И.А.* Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья // Материалы всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т. I. М. 1961. С. 478.
- ⁶ *Окладников А.П.* Древнее Забайкалье (Культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. Новосибирск. 1975. С. 10.
- ⁷ *Окладников А.П.* Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М. 1970. С. 191 (Синхронистическая таблица неолитических культур лесной полосы СССР).
- ⁸ *Окладников А.П.* Древнее Забайкалье. С. 10.
- ⁹ *Ларичев В.Г., Рижский М.И.* Озерный неолит и ранняя бронза Восточного Забайкалья // Сибирский археологический сборник. Новосибирск. 1966. С. 94-128.
- ¹⁰ *Чернецов В.Н.* Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. 1973. С. 15-17.
- ¹¹ *Гришин Ю.С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М. 1981. С. 75-76.
- ¹² *Ивашина Л.Г.* К вопросу о раннем неолите Западного Забайкалья // Отчетная научно-теоретическая конференция. Иркутск. 1979. С. 27-29.
- ¹³ *Ивашина Л.Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск. 1979. С. 106-125; *ее же.* Периодизация неолитических и энеолитических памятников Бурятии // Научно-теоретическая конференция. Секция археологии. Иркутск. 1977. С. 48-51; *ее же.* К вопросу о раннем неолите Западного Забайкалья. С. 27-29.

- ¹⁴ *Ивашина Л.Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. С. 41; *ее же.* К вопросу о раннем неолите Западного Забайкалья. С. 27-28.
- ¹⁵ *Семина Л.В.* Керамика эпохи неолита и бронзы юго-западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск. 1985. С. 119.
- ¹⁶ *Ивашина Л.Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. С. 19-20, 31, 37.
- ¹⁷ *Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.* Опыт датировки по C_{14} погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. № 1. 1989. С. 29.
- ¹⁸ *Ивашина Л.Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. С. 97-100, 118.
- ¹⁹ Там же. С. 84-86. Рис. 73, 1-3.
- ²⁰ Там же. С. 119.
- ²¹ Там же. С. 59-71, 122.
- ²² *Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.* Опыт датирования по C_{14} ... С. 23. Таблица радиоуглеродных дат. Раздел «Забайкалье». № 97.
- ²³ *Базаров Д.Б., Константинов М.В., Иметхенов А.Б. и др.* Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск. 1982; *Семина Л.В.* Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья. Автореферат канд. дисс. Л. 1986.
- ²⁴ *Семина Л.В.* Эпоха неолита и палеометалла юго-западного Забайкалья. С. 7-12; *Размахина Е.Л., Константинов М.В., Черепанов В.В., Брюхов Э.И.* Студеное: новые данные о памятнике // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Улан-Удэ. 1986. С. 87-88.
- ²⁵ *Кириллов И.И.* Стоянка Дворцы и некоторые вопросы периодизации развития культуры населения Восточного Забайкалья в эпоху палеометалла // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ. 1988. С. 14-15.

²⁶ Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья. С. 7, 12.

²⁷ Там же. С. 2, 5-7.

²⁸ Константинов М.В. и др. авторы. Геология и культура древних поселений ... С. 110-111, 113.

²⁹ Археология зарубежной Азии. М. 1986. С. 243-244.

³⁰ Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья. С. 14.

³¹ Кириллов И.И. Каменный век Восточного Забайкалья. Автореферат канд. диссертации. Новосибирск. 1969. С. 13-16; Кириллов И.И., Рижский М.И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита. 1973. С. 44-77; Кирилов И.И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск. 1979. С. 27-46; Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск. 1980. С. 59-163; Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности. Автореферат доктор. диссертации. Новосибирск. 1981. С. 20-31; Кириллов И.И., Верхоу-ров О.Г. Новые неолитические могильники из Восточного Забайкалья и их значение в определении этнокультурных связей местных племен // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск. 1985. С. 7-21; Кириллов И.И. Стоянка Дворцы и некоторые вопросы периодизации развития культуры населения Восточного Забайкалья в эпоху палеометалла // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ. 1988. С. 3-17.

³² Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности. С. 20.

³³ Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности. С. 20; Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. С. 140-141. Следует отметить, что палинологические анализы, показавшие близкие результаты, были произведены и на отдельных дру-

гих раннеолитических памятниках, в частности, на Нижнем Нарыме I.

³⁴ Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности. С. 23.

³⁵ Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. С. 149.

³⁶ Там же. С. 161-162.

³⁷ Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности. С. 26.

³⁸ Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. С. 158.

³⁹ Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. С. 160-161; Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности. С. 27.

⁴⁰ Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. С. 160; Федосеева С.А. Ымяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Автореферат доктор. дисс. Новосибирск. 1984. С. 25-26.

⁴¹ Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности. С. 31-33; его же. Стоянка Дворцы ... С. 12-14.

⁴² Кириллов И.И. Стоянка Дворцы ... С. 12-14.

⁴³ Там же. С. 13-14.

⁴⁴ Там же. С. 11-17.

⁴⁵ Там же. С. 7.

⁴⁶ Ветров В.М., Трифонов А.П. Археологические исследования в верхнем течении долины реки Витим // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 3. Иркутск. 1975. С. 150-170; Ветров В.М., Инешин Е.М. К вопросу о возрасте культуросодержащих отложений Усть-Каренского археологического комплекса // Отчетная научно-теоретическая конференция. Археология. Этнография. Источниковедение. Иркутск. 1979. С. 24-25; Ветров В.М. Керамика усть-каренской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск. 1985. С.

123-130; *Ветров В.М.* Стратиграфия и проблемы периодизации археологических памятников верхнего Витима // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Ч.2. Улан-Удэ. 1986. С. 49-53.

⁴⁷ *Ветров В.М.* Стратиграфия и проблемы периодизации археологических памятников Верхнего Витима. С. 49-53.

⁴⁸ Там же. С. 52-53.

⁴⁹ *Кириллов И.И., Верхогуров О.Г.* Новые неолитические могильники из Восточного Забайкалья ... С. 7-21; *Гришин Ю.С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков ... С. 86-95.

⁵⁰ *Константинов А.В., Князева И.И.* Усть-Менза-2: возраст и характер культурных горизонтов // Четвертичная геология и первобытная археология Сибири. Ч.2. Улан-Удэ. 1986. С. 66-67.

⁵¹ *Базарова Л.Д., Васильев С.Г., Конохов А.Ю.* Усть-Менза-3: проблемы стратиграфии и поиск палеокультуры // Четвертичная геология и первобытная археология Сибири. Улан-Удэ. 1986. С.69; *Родникова Е.А., Селин В.В.* Усть-Менза-5: погребение бронзового века // Четвертичная геология и первобытная археология Сибири. Ч.2. С.74.

⁵² *Кириллов И.И., Верхогуров О.Г.* Новые неолитические могильники из Восточного Забайкалья ... С.20.

⁵³ Там же. С. 18-19. Рис.1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования в течение длительного времени различных ученых в области периодизации неолитических и энеолитических памятников Прибайкалья и Забайкалья показали все сложности и трудности в решении связанных с ними вопросов, при этом особенно, если они основываются только на одних археологических данных. Привлечение прежде всего в последнее время новых данных в области геолого-стратиграфических, палинологических исследований и радиокарбонных их датировок позволило более уверенно решать возникающие проблемы. Критическое рассмотрение имеющихся в настоящее время систем периодизации для различных районов изучаемой территории, существующие возможности их сопоставления между собой, как представляется, позволили более надежно подойти к решению поставленных задач, хотя, что следует признать, некоторые вопросы в немалой степени остаются открытыми. Среди наиболее важных из них является вопрос о китойских памятниках, причем речь идет не о раннем времени их существования, а о их длительности, ведь, судя по отдельным их ним, они регистрируются еще, по крайней мере, в конце IV и может быть отчасти даже и в III тыс. до н.э. Можно только предполагать, что в отдельных районах процесс ассимиляции пришло китойского населения растянулся на длительное время. Не менее важной проблемой является также вопрос о возможности сосуществования в раннем неолите керамических и бескерамических стоянок, тем более что на отдельных хронологически очень рано датированных памятниках керамика уже появляется, не говоря уже о том, что, в

основном, раннеолитические керамические стоянки по составу каменного инвентаря фактически ничем не отличаются от мезолитических. Разумеется, что бескерамические стоянки с таким инвентарем можно считать уже неолитическими, если они в одном районе сосуществуют с керамическими. Видимо, для рассматриваемой территории, как считали некоторые исследователи (А.П.Хлобыстин, Ю.С.Гришин), это могло быть вполне характерным: хрупкие керамические сосуды (что важно отметить), не являясь орудиями производства, очень медленно входили в быт, особенно у подвижных и полупоселных племен, каковыми являлись в большинстве своем насельники Прибайкалья и Забайкалья. Что же касается такой важной поднаблюдаемого времени. Изучаемые исследователями проблемы, как факты, не той некоторыми исследованиями радиокربонных датированных и которого переселения радиокربонных датированных и глазковских, да и исаковских памятников, находящихся друг на друга, относящихся в отличие от китойских к единой местной линии развития, то, как представляется, А.К.Конопацкий только отчасти прав, объясняя это разнообразием переходов от одного этапа к другому в различных районах Прибайкалья¹. Здесь, видимо, речь идет также и о переходе в течение которого и могли формироваться характерные признаки этих памятников, в том числе в одних и тех же районах.

Вполне понятно, что эти и другие вопросы, связанные с периодизацией рассматриваемых памятников, должны более точно решаться в последующем по мере дальнейшего накопления новых значительных материалов.

¹ Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. Новосибирск. 1982. С.80.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова З.А. Палеолитические находки в районе Кяхты // МИА. № 39. 1952.
- Аксенов М.П. Погребение «хиньского» типа на Верхней Лене (Рытвинка I) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск. 1982.
- Археология зарубежной Азии. М. 1986.
- Архипов Н.Д. История становления и развития археологической науки в Прибайкалье. Автореферат канд. диссерт. М. 1973.
- Бров Д.Б., Константинов М.В., Иметхенов А.Б. и др. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск. 1982.
- Базарова Л.Д., Васильев С.Г., Конюхов А.Ю. Усть-Менза-3: проблемы стратиграфии и поиска палеокультуры // Четвертичная геология и первобытная археология Сибири. Улан-Удэ. 1986.
- Ветров В.М. Керамика усть-каренской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск. 1985.
- Ветров В.М. Стратиграфия и проблемы периодизации археологических памятников верхнего Витима // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Ч.2. Улан-Удэ. 1986.
- Ветров В.М., Инеши Е.М. К вопросу о возрасте культуросодержащих отложений Усть-Каренского археологического комплекса // Отчетная научно-теоретическая конференция. Археология. Этнография. Источниковедение. Иркутск. 1979.
- Ветров В.М., Трифонов А.П. Археологические исследования в верхнем течении долины реки Витим // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып.3. Иркутск. 1975.

Витковский Н.И. О раскопке могил каменного века в Иркутской губернии на левом берегу Ангары, произведенном летом 1881 г. // Труды V Арх. совещания в Тифлисе. М. 1887.

Георгиевская Г.М. Китайский комплекс на многослойном поселении Усть-Белая // Отчетная научно-теоретическая конференция. Археология. Этнография. Источниковедение. Тезисы докладов. Иркутск. 1979.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М. 1955.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л. 1975.

Горюнова О.И. Периодизация неолита и палеометалла побережья оз. Байкал // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов). Якутск. 1982.

Горюнова О.И. Комплексы раннего бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1984.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон. Автореферат канд. диссертации. Новосибирск. 1984.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальной культуры Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск. 1986.

Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск. 1992.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М. 1981.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск. 1992.

Ивашина Л.Г. К вопросу о раннем неолите Западного Забайкалья // Отчетная научно-теоретическая конференция. Иркутск. 1979.

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск. 1979.

Ивашина Л.Г. Периодизация неолитических и энеолитических памятников Бурятии // Научно-теоретическая конференция. Секция археологии. Иркутск. 1977.

Кириллов И.И. Каменный век Восточного Забайкалья. Автореферат канд. диссертации. Новосибирск. 1969.

Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск. 1979.

Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности. Автореферат доктор. диссертации. Новосибирск. 1981.

Кириллов И.И. Стоянка Дворцы и некоторые вопросы периодизации развития культуры населения Восточного Забайкалья в эпоху палеометалла // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ. 1988.

Кириллов И.И. Стоянка Дворцы и некоторые вопросы периодизации развития культуры населения Восточного Забайкалья в эпоху палеометалла // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ. 1988.

Кириллов И.И., Верхотуров О.Г. Новые неолитические памятники из Восточного Забайкалья и их значение в определении этнокультурных связей местных племен // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск. 1985.

Кириллов И.И., Рыжский М.И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита. 1973.

Конопацкий А.К. Древние памятники о. Ольхон и Приольхонья. Автореферат канд. диссертации. Новосибирск. 1979.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. Новосибирск. 1982.

Константинов А.В., Князева И.И. Усть-Менза-2: возраст и характер культурных горизонтов // Четвертичная геология и первобытная археология Сибири. Ч.2. Улан-Удэ. 1986.

Кульчицкий А.А., Свинин В.В., Адаменко Р.С., Белова В.А., Иванов Л.Н., Федорова В.А. К палеогеографии Байкала по археологическим материалам из Большой Лударской пещеры // Известия ВСОГО СССР. Т.68. Иркутск. 1971.

Кучера С. Китайская археология. М. 1977.

Ларичев В.Г., Рыжский М.И. Озерный неолит и ранняя бронза Восточного Забайкалья // Сибирский археологический сборник. Новосибирск. 1966.

Максименков Г.А. Окуневская культура. Автореферат доктор. дисс. Новосибирск. 1975.

Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. 1973.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С¹⁴ погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. № 1. 1989.

Медведев Г.И. Мезолитические погребения Верхнего Приангарья // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск. 1971.

Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М. 1969.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии // Якутия и ее место в древности. Якутск. 1975.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Романова Е.Н., Семенов А.А. Многослойная стоянка Белькачи I и ее значение для построения абсолютной хронологии древних культур Северо-Восточной Азии // По следам древних культур Якутии. Якутск. 1970.

Окладников А.П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // ВДИ. № 1 (2). 1938.

Окладников А.П. Древнее Забайкалье (Культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. Новосибирск. 1975.

Окладников А.П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // Труды Кяхтинского музея краеведения и Кяхтинского отдела Географического общества СССР. 1961. Т. 18.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА. № 18. Ч. I-II. М.-Л. 1950.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА. № 43. Ч. III. М.-Л. 1955.

Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М. 1970.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск. 1974.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск. 1976.

Окладников А.П. Палеолит Забайкалья // Археологический сборник I. Улан-Удэ. 1959.

Окладников А.П., Васильевский Р.С. Северная Азия на заре истории. Новосибирск. 1980.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск. 1980.

Окладников А.П., Конопацкий А.К. Погребения эпохи неолита и ранней бронзы на Ангаре // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1984.

Окладников А.П., Флоренсов И.А. Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья // Материалы всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т. I. М. 1961.

Отчет Иркутской экспедиции Института археологии АН СССР о раскопках на Байкале. Хранится в архиве ИА РАН

Петри Б.Э. Далекое прошлое Буряцкого края. Иркутск. 1922.

Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье // Наука и жизнь. № 1. Чита. 1923

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск. 1928.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопке стоянки Улан-Хада // Сборник МАЭ. Т.3. 1916;

Размахина Е.Л., Константинов М.В., Черепанов В.В., Брюхов Э.И. Студеное: новые данные о памятнике // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Улан-Удэ. 1986.

Родникова Е.А., Селин В.В. Усть-Менза-5: погребение бронзового века // Четвертичная геология и первобытная археология Сибири. Ч.2.

Савельев Н.А. Неолит юга средней Сибири. (История основных идей и современное состояние проблемы). Автореферат канд. диссертации. Новосибирск. 1989.

Савельев Н.А. Вклад Б.Э.Петри в изучение сибирского неолита // Палеонтологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск. 1991.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки стоянки Горелый Лес // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск. 1974.

Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. 1973.

- Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963 и 1964 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963 и 1964 годы. Иркутск. 1966.
- Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Вопросы истории Сибири. Иркутск. 1971.
- Свинин В.В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 2. Иркутск. 1974;
- Свинин В.В. Периодизация археологических памятников Байкала // Известия ВСОГО СССР. Т. 69. Иркутск. 1976.
- Семина Л.В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск. 1985.
- Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья. Автореферат канд. дисс. Л. 1986.
- Сизиков А.М., Савельев Н.А., Филимонова Л.А. Геология и возраст рыхлых отложений многослойного археологического памятника в бухте Улан-Хада // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. 1975.
- Федосеева С.А. Ымяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Автореферат доктор. дисс. Новосибирск. 1984.
- Фирсов Л.В., Кульчицкий А.А., Свинин В.В. К хронологии отложений голоцена и палеогеографии северного Байкала // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 3. Иркутск. 1975.
- Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале // КСИА. Вып. 97. 1963.
- Хлобыстин Л.П. Древние культуры озера Байкал (каменный и бронзовый века). Автореферат канд. дисс. Л. 1964;
- Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. Т. 5. МИА. № 131. 1965.
- Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. № 153. 1978.
- Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. 1973.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	—	Вестник древней истории
ВСОГО СССР	—	Восточно-Сибирский отдел Географического общества СССР
ИА АН СССР	—	Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН	—	Институт археологии Российской Академии наук
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Прибайкалье	5
Глава II. Забайкалье.....	66
Заключение.....	119
Список литературы.....	121
Список сокращений.....	127

Формат 60x84 1/16 Уч-изд л. 8,0 Усл. печ. л. 6,5 л.

Заказ № **319** Тираж 250 экз.

Типография ТОО «ГЕО-ТЭК»
г. Красноармейск Московской области